

ЛЕСЛИ-ЭНН ДЖОНС

QUEEN

ФРЕДДИ
МЕРКЮРИ

БИОГРАФИЯ

18+

MAXIMUM
103.7 FM

Music Legends & Idols

Лесли-Энн Джонс

**Queen. Фредди
Меркьюри. Биография**

«Издательство АСТ»

2011

УДК 784:929 Меркьюри Ф.
ББК 85.318(3)-8 Меркьюри Ф.

Джонс Л.

Queen. Фредди Меркьюри. Биография / Л. Джонс —
«Издательство АСТ», 2011 — (Music Legends & Idols)

ISBN 978-1-44-473367-9

Биография, написанная Лесли-Энн Джонс, основана на беспрецедентном доступе к ключевым фигурам жизни Фредди, включая его любовников, родственников, друзей, коллег, издателей, фотографов и продюсеров и отличается аккуратнейшим подходом к фактам. Приводя множество точек зрения, Джонс неуклонно проясняет один-единственный вопрос – каким же Фредди Меркьюри видел самого себя? И преуспевает в этом.

УДК 784:929 Меркьюри Ф.
ББК 85.318(3)-8 Меркьюри Ф.

ISBN 978-1-44-473367-9

© Джонс Л., 2011
© Издательство АСТ, 2011

Содержание

Вступление. Монтре	6
1. Live Aid	11
2. Занзибар	21
3. Панчгани	26
4. Лондон	33
5. Queen	38
6. Фронтмен	44
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Лесли-Энн Джонс

Queen. Фредди Меркьюри. Биография

Lesley-Ann Jones

Mercury: An Intimate Biography of Freddie Mercury

© Lesley-Ann Jones, 2011

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

– Моей матери и отцу, Миа, Генри и Брайди.

Вступление. Монтре

В то время мы ничего не записывали. Мы делали заметки, как и все журналисты: запоминать фразы, отлучаешься на секунду, наскоро перекидываешь все в блокнот и идешь выпивать дальше. Кассетные диктофоны существовали, но ими никто не пользовался, ведь нет более верного свойства прикончить живой разговор. Тем более они ни к чему, когда происходит нечто не предназначенное для посторонних глаз и ушей. Когда тебя принимают как приятеля, а не писаку, выхватить диктофон означает потерять лицо и все испортить.

Компанией из трех журналистов мы ускользнули из конференц-центра фестиваля Монтре, чтобы пропустить по пинте прохладного пива в единственном пабе на главной улице города – тихом приятном месте, которое называлось Blanc Gigi. Мы застали там Фредди с парой приятелей в тесно облегающих брюках – то ли французов, то ли швейцарцев. Он обошел этот типично английский паб посреди Швейцарии, и мы об этом прекрасно знали. В телохранителях Фредди совершенно не нуждался, но не отказался от сигареты. Что ж – парень из Express всегда носил с собой не меньше четырех пачек. Вечера молодых музыкальных репортеров затягивались далеко за полночь, и мы явились в бар во всеоружии.

Я не впервые встретила Фредди. Несколько раз мы пересекались на вечеринках – как в его компании, так и в моей. Рок-музыку я полюбила еще в колыбели, в 11 лет уже водила знакомство с Боуи, а с музыкой Queen, сложной и величественной, меня познакомили Джен и Морин Дэй, сестры из Алдершота. Мы вместе путешествовали по Испании – из Барселоны по всему побережью Коста-Брава. Тогда еще все сходили с ума от гитар – каждый парень купил себе по одной, и все хвалились, что у них есть медиатор Джорджа Харрисона.

Не пытаясь превзойти Крисси Хайнд и Джоан Джетт, из журналисток, выбившихся в рок-звезды, с начала 80-х по 1992-й я писала о музыке для таких газет, как Daily Mail, Mail on Sunday, их журнала-приложения You и для Sun. С Queen я впервые встретилась, только устроившись в Associated Newspapers – большое издательство, делающее, помимо прочего, Daily Mail и Metro. Меня отправили на интервью с Фредди и Брайаном в офис Queen в крутом лондонском районе Ноттинг-Хилл. В те годы журналисты просто договаривались с музыкантами о времени и приходили. Музыкальный бизнес, еще не обросший бесчисленными паразитами, был намного прозрачнее и проще. Сегодня ведь уже невозможно представить, каким был статус музыкального журналиста в 80-х. Артисты и репортеры летали в одних и тех же частных самолетах, ездили в одних лимузинах, селились в соседних номерах и кутили за одним столом, устраивая дьявольский балаган везде, куда их только не заносил гастрольных график.

Иные дружеские отношения, сложившиеся в те годы, живы и поныне.

Теперь все изменилось. Менеджеры, агенты, промоутеры, паблишеры, клерки с лейбла и все те, кто выдает себя за них, кишмя кишат вокруг каждого успешного музыканта. В их кровных интересах – не допустить до артистов таких, как я. Но тогда отважные и контактные репортеры прорывались всюду, куда им только требовалось, с ламинированными бейджами или без них. Иногда мы даже специально прятали пресс-карточки – просто из куража.

На следующий год я освещала выступление Queen на фестивале Live Aid и вместе с группой журналистов сопровождала группу на нескольких концертах их мирового тура 1986 года в поддержку альбома *A Kind Of Magic*. В Будапеште я присутствовала на репетиции, где Queen играли для сотрудников британского посольства, а потом и на самом концерте, вошедшем в историю как первое настоящее рок-шоу за железным занавесом и один из величайших взлетов группы. Думаю, я мало отличалась от коллег – еще одна 20-летняя конопатая девчонка, потерявшая голову от рок-н-ролла.

Встречая Фредди, я каждый раз удивлялась его необыкновенному изяществу. Возможно, так сказывалась диета из никотина, водки, вина и кокаина, да и аппетитом он особым не отли-

чался. На сцене Фредди смотрелся таким мощным и величественным, что, казалось, и при личной встрече он должен ошеломлять. Ничего подобного. Напротив, он был очень скромным, располагавшим к себе непосредственностью и ребячливостью. Во всех девушках, даже самых юных, он пробуждал материнские чувства. Схожие эмоции в то время вызывал и Бой Джордж, ставший любимцем домохозяек после того, как признался (неведомо, насколько чистосердечно), что предпочитает сексу чашечку чая.

Той ночью в Blanc Gigi Фредди оглядывался по сторонам, страдальчески поднимая брови и бормоча «закурить, закурить бы» своим характерно негромким голосом со слегка манерной интонацией. Меня снова поразило несоответствие его царственной манеры держаться на сцене кроткому, почти беспомощному поведению за ее пределами. Позже этим вечером я своими ушами слышала, как он по-детски запищал «пи-пи», и зачарованно наблюдала, как один из приятелей отвел Фредди в уборную. В том момент Фредди покорила меня окончательно. Мне захотелось забрать его домой, купать его в ванне, попросить маму приготовить нам на ужин жаркое. Впрочем, обдумав ситуацию позже, я поняла, что дело было вовсе не в беспомощности всемогущей рок-звезды. Просто в том мужском туалете ему бы правда проходу не дали.

Роджер Тавернер, тот самый парень из Express, мигом предложил Фредди красные «Marlboro». Тот принял их, чуть поморщившись, – он предпочитал «Silk Cut». Мы не утомляли его своим вниманием, возможно, именно поэтому Фредди вернулся за еще одной сигаретой. Он спросил, где мы остановились. Мы дали единственно правильный ответ – Montreaux Palace, самая шикарная гостиница города. Фредди, естественно, тоже жил там, занимая президентские апартаменты. Ему и Queen принадлежала Mountain – единственная звукозаписывающая студия на этом живописном швейцарском курорте. Ее техническое оснащение в то время не имело себе равных в Европе.

Через час с небольшим Фредди сказал:

– Конечно, вы прекрасно знаете, кто я такой, – вспышка узнавания мелькнула в его черных глазах.

Ну что, знаем, конечно. Ради него мы и явились сюда. Уже несколько рюмок водки с тоником назад мы представились, отступать было поздно. Впрочем, в эти дни в городе проходило вручение Rose D’Or – престижной в 80-х премии, находившейся тогда на самом взлете. Церемония включала в себя рок-концерт – вполне подходящее алиби для музыкальных журналистов, оказавшихся в городе.

Мы зря боялись, что Фредди не захочет, чтобы британские репортеры доставали его и в Швейцарии, – он сам настоял на общении. Его слова так часто искажали и перевирали в прессе, что он доверял только немногим из нас. Среди них был Дэвид Вигг – редактор отдела шоу-бизнеса в Daily Express. Он тоже находился тогда в Монтре; все связанные с Фредди сенсации обычно доставались ему.

Мы сошлись близко, слишком близко. Шансов на официальное интервью не оставалось. Рано или поздно наступит утро, и Фредди начнет подозревать в нас очередных лазутчиков желтой прессы. Не он, так его менеджеры. Мы зашли слишком далеко – пробрались в его тайное логово, где он чувствовал себя в безопасности, и навязали свое приятельство. Тут он не играл недостижимую рок-звезду, а был самим собой.

– Именно поэтому я так люблю это место, – объяснял он, – всего два часа лету от Лондона и наконец можно выдохнуть и расслабиться. Сочинять песни и записывать их, просто гулять по улице. Это именно то, что мне нужно на ближайшие несколько лет.

Мы посочувствовали, насколько смогли, боли, которую несет с собой слава. Старались держать себя в руках, чтобы не вскочить и не помчаться звонить нашим новостным редакциям с этой сенсацией года: главный рок-идол страны собирается эмигрировать! Мы уничтожали коктейль за коктейлем, и бесценная возможность уплывала у нас из рук. Тавернер и я чувствовали себя теперь еще и сообщниками по должностному преступлению – наши издания были

злейшими конкурентами, и нам полагалось интриговать друг против друга, а не напиваться в дружеской атмосфере. Мы заверили Фредди, что нам доводилось работать со знаменитостями, и мы уважаем все нюансы, связанные с соблюдением неприкосновенности частной жизни. Мы осведомлены, что приватность – это первое, чем звездам приходится жертвовать, и последнее, с чем они согласны добровольно расстаться. На Фредди наша казуистика произвела впечатление.

Он устоял в свой бокал, задумчиво постукивая по стеклу.

– Понимаете, именно поэтому я и не сплю тут посреди ночи, – сказал он. – Я создал монстра. Этот монстр – я сам. Винить тут некого. Я занимался этим с самого детства. Убить был готов ради этого. Что бы ни случилось со мной, это моя вина. Я все решил сам. Мы все гонимся за успехом, славой, деньгами, сексом, наркотиками. У меня это все есть. Но штука в том, что у меня уже не получается вырваться из этого круга. Я пристрастился к этим вещам сильнее, чем хотел бы.

– Все изменилось, когда я вышел на сцену. Я полностью превратился в этого «рок-супермена». Знаю, о чем говорю, – задача ставилась именно так. Я не мог быть вторым – лучше вообще выйти из игры. Я точно знал, как следует двигаться, как держать микрофон. Обожаю все это дело. Так же работал Хендрикс, это хорошо видно на его концертных видео, об этом знают все, кто видел его вживую. Но сойдя со сцены, он превращался в очень скромного парня. Те, кто ожидал увидеть неистового рокера, оказывались разочарованы. Для меня концерты – это как выход из тела. Я как будто смотрю на все это со стороны и думаю: «Вот это да»!

– Конечно, это наркотик, – говорил Фредди, – один из стимуляторов. Проблемы начинаются в тот момент, когда люди ловят меня на улице и ожидают увидеть его – того, другого, большого Фредди. Но я – другой человек, намного спокойнее. Нужно строго отделять созданный для шоу образ от частной жизни, иначе тебя ждет шизофрения. Такова цена, которую приходится платить. Только не думайте, что я очередной богачей, плачущийся по пьяни на жизнь. Музыка – вот что дает мне силы. С этим мне повезло по-настоящему.

И что же он думает теперь предпринять?

– Я люблю раздувать дикие драмы из ничего, такой уж я человек, – на секунду мелькает Большой Фредди, мелькает и исчезает.

– Деньги летят как листовки с самолета, ледь льется рекой, я сижу и выбираю, где мне жить – здесь, в Монтре, или в самом шикарном районе Лондона. Я мог бы купить дом в Нью-Йорке, Париже, везде, где захочу. Я развращен мотовством до глубины души. Во всяком случае, именно этого ожидает публика от парня со сцены... Но если честно, я каждый раз жалею, когда шоу заканчивается, – наконец признается он.

И тут же продолжает:

– Быть в одной из главных групп планеты – не фунт изюму. Ведь и речи быть не может, чтобы я просто вышел прогуляться после обеда или зашел в кафе в Кенте. Все время надо быть начеку. Это своего рода игра, и она нравится мне, уверяю вас. Но иногда...

До рассвета было еще далеко. Фредди, мы и еще пара человек ускользнули из паба и теперь сидели во дворе виллы, над которой возвышались крутые отроги Альп. Фредди уверял, что вилла была свидетельницей древних мистерий и хранит множество секретов, последние из которых – времен нацизма. Прохладный воздух благоухал сосновой хвоей. Тени, отбрасываемые горами в лунном свете, пересекали озерную гладь.

Фредди от души наслаждался своим горным убежищем. Его видами, каждый из которых будто сошел с конфетной коробки, его виноградниками и ежегодным джазовым фестивалем. Он любил Монтре за Набокова и Чаплина, подолгу живших тут, за «Smoke On the Water» – самую известную песню Deep Purple, написанную здесь в 1971 году. Тогда один поклонник Фрэнка Заппы так ловко запалил петарду, что сгорел весь зрительный зал, где шел концерт.

А за клубами дыма, что ползли по озеру, в окно отеля наблюдал Роджер Гловер, задумчиво перебиравший струны бас-гитары.

– Просто развейте мой прах над водой этого озера, когда придет время, – балагурил Фредди. За вечер он повторил эту фразу как минимум дважды.

Теперь разговор зашел о радости, которую приносят самые простые вещи. Мы старались тактично обходить вниманием тот факт, что только один из присутствующих располагает состоянием, способным воплотить любые его мечты.

И что вы прикажете делать с таким «эксклюзивным материалом»? Мы ничего не стали делать. Не написали ни строчки.

Фредди и его приятели оказались отличными ребятами. Ночь прошла прекрасно. Он был честен с нами. Возможно, он не доверял нам в той степени, какую подразумевала непринужденность нашего общения. Зная, кто мы такие, он просто не мог не подозревать за нашей открытостью корыстных намерений. Может быть, в глубине души он даже хотел, чтобы эта веселая ночь оказалась очередной подставой прессы, просто чтобы лишний раз подтвердить железное правило рок-звезд: репортеры – это всегда не к добру. В конце концов, ребята вроде нас нередко подводили Меркьюри, пользуясь его доверием, и все об этом знали. Чего тогда никто из нас не мог предположить, так это что дни Фредди сочтены. Впрочем, сам он тогда уже мог об этом знать. Но он и в самом деле жил именно так, как если бы ему оставался один день. Может, именно поэтому он тогда и отбросил осторожность. Мы с Тавернером договорились никак не использовать материал этой ночи в своей работе. Нам не хотелось продавать доверие Фредди за пару броских заголовков.

Рассвет позолотил снежные шапки гор, и они отражались в неподвижной воде, когда мы молча возвращались в отель. Тавернер докуривал свою последнюю сигарету.

– Рок-музыка – явление огромной важности, – провозглашал Космо Хэллстром, знаменитый психотерапевт, за плечами которого четыре десятка лет работы со знаменитостями. – Она отражает культуру в ее актуальном состоянии. Она приносит большие деньги и, стало быть, является желанной для многих целью. Это феномен, который никто не вправе игнорировать. Рок-музыка объединяет, создает почву для общности.

Главный козырь рока – в его доступности, – продолжал ученый. – Он обращается к базовым эмоциям, оперирует простыми концепциями, поданными с большим напором. Его нельзя просто пропустить мимо ушей. Если только вы глухи, да и в этом случае нельзя ручаться. Рок-музыка говорит от лица поколения. Совершенно уникальным образом она утверждает его существование.

– Артист – существо, по определению нуждающееся в заботе и помощи, – настаивал Саймон Напьер-Белл, один из самых известных менеджеров в музыкальном мире: он писал хиты для Дасти Спрингфилд, занимался делами Марка Болана, The Yardbirds и Japan, собрал в свое время Wham! и превратил Джорджа Майкла в суперзвезду. Саймон никогда не бросает слов на ветер, особенно когда речь идет о профессиональной сфере.

– Артисты – люди, трагически не защищенные. Им необходимо быть в центре внимания. Они всегда в поисках аудитории. Их принуждают быть коммерчески успешными, и всем артистам это отвратительно, но лично я уверен, что только послужил на пользу их искусству. У них всех одна и та же история, это их отличительная черта. Взять Эрика Клэптона. Впервые его увидев, я подумал, что он просто музыкант, исполнитель, но не артист. В группе Джона Мейолла он играл, повернувшись к зрителям спиной, – так стеснялся. Но со временем я понял, как сильно заблуждался. Оказалось, у него не было отца и он вырос, считая свою настоящую мать сестрой, а бабушку – матерью. У артистов всегда трудное детство, как минимум в эмоциональном плане. Отсюда это их неистовое стремление все время чего-то добиваться, чувствовать любовь и внимание со стороны окружающих. Те, кто мотивирован недостаточно, просто

сходят с дистанции. Так что поверьте мне, быть звездой – ужасная участь. Тихий столик в хорошем ресторане – что может быть лучше, но когда во время еды каждые тридцать секунд кто-то подходит и просит автограф, уже не до удовольствий. Стоит выйти на улицу, как жизнь превращается в кошмар. И все-таки звездам, несомненно, необходимы такие ситуации. А еще звездам свойственно быстро очаровываться новыми людьми, – продолжает он, – и у этого есть свои недостатки. Когда они получают от новых знакомых все, что те могут дать, они просто выбрасывают их и заводят новые связи. Меня самого выбрасывали так много раз, но что ж тут поделать. Я хорошо знаю этот тип людей и понимаю, что движет ими. Нет никакого смысла сокрушаться, что какая-то звезда была недостаточно добра или внимательна к вам. Звезды просто светят, они такие, какие есть. У каждой из них – тяжелые психологические проблемы. Я гарантирую это, достаточно лишь внимательно изучить детские годы. Что еще может заставить вас добиваться славы и аплодисментов ценой того, что ваша жизнь превратится в ужасный балаган, который вы никогда не сможете контролировать? Ни один уравновешенный человек никогда не согласится стать звездой. Ни за какие деньги.

– Фредди сделал главное, – считал д-р Холлстром, – он умер молодым. Вместо того чтобы превратиться в толстого старого гея, он ушел в вечность в самом расцвете. Не худшая участь для рок-идола.

И вот его история.

1. Live Aid

Готовясь к этому концерту, мы хотели показать что-то особенное, чтобы было что послушать, запомнить, а там, может, и чем пожертвовать. У всех нас одна цель. Иногда я чувствую себя неспособным влиять на ход событий. Но сейчас тот самый случай, когда я могу внести свой вклад.

– Фредди Меркьюри

Фредди нашел себе сцену по душе – ей стал весь мир.
Боб Гелдоф

Некогда политики слыли талантливыми ораторами, но в наше время это искусство трагическим образом выродилось. Последним жанром, где еще можно встретить человека или группу людей, способных управлять многотысячными толпами одними жестами и интонациями, остается рок-н-ролл. Кинозвезды тут бессильны. О телезнаменитостях нечего и говорить. Только рок-идолы в наше время – подлинные повелители толпы. Такие мысли роились у меня в голове, пока мы стояли за кулисами «Уэмбли» вместе с басистом The Who Джоном Энтвайстом и его подругой Макс. Фредди царил на сцене, доводя до исступления 80-тысячный стадион и телеаудиторию, о размерах которой оставалось только догадываться. Оценки разнятся от 400 миллионов до 2 миллиардов зрителей – концерт транслировался на 50 стран. Беззаботный, нахальный, остроумный и сексуальный, он делал со зрителями все, что хотел. Мы смотрели, разинув рты. Восторженный рев публики заглушал музыку. Фредди распирало от энергии, он как будто летал над сценой. Сила, которой он повелевал зрителями, была физически ощутима, казалось, она витала в воздухе. За кулисами первые лица мировой рок-музыки побросали свои дела, чтобы не пропустить выступление группы, затмившей в этот вечер всех. В течение 18 минут король Фредди и его Queen повелевали всем миром.

Таинственный маховик истории завертелся в непримечательный ноябрьский день 1984 года, когда Боб Гелдоф, коротая поездку на такси, нацарапал несколько строчек в блокноте. В скором времени этот текст превратился в песню, которая всколыхнула весь мир. Гелдоф находился под впечатлением документального фильма BBC News об ужасах голода в Эфиопии. Пораженный библейским масштабом бедствия, Гелдоф, по его словам, сначала чувствовал только шок и беспомощность. Поразмыслив, музыкант решил вмешаться. Как именно – пока не представлял. Он мог бы сделать то, что лучше всего умел, – сесть и написать хит, доходы от которого пошли бы в благотворительный фонд. Но вот незадача – карьера ирландской панк-группы The Boomtown Rats, с которой выступал Боб, давно уже катилась по наклонной – их песня последний раз попадала в британскую «десятку» четыре года назад. А главный хит группы «I Don't Like Mondays» и вовсе датировался 1979-м. Для по-настоящему успешного благотворительного сингла нужны имена погромче. И выйти сингл должен на Рождество – самое горячее время в музыкальном бизнесе, когда люди легче всего расстаются с деньгами на пластинки. Оставалось заинтересовать этим проектом одного из успешных исполнителей. А лучше – нескольких.

Боб поговорил с Миджом Уром, чья группа Ultravox в то время была на взлете. Ultravox играли тогда в эфире рейтингового телешоу The Tube, которое на британском ТВ вела Пола Ятес, в скором будущем ставшая женой Гелдофа. Мидж согласился положить написанный Бобом текст на музыку и сделать оркестровую аранжировку. Теперь оставалось доукомплектовать состав исполнителей. Боб отправился к Стингу, Саймону Ле Бону из Duran Duran и братьям Гари и Мартину Кемпам из Spandau Ballet. Полный же список в итоге оказался еще внуши-

тельнее. В него входила вся поп-аристократия тех лет: Бой Джордж, Frankie Goes To Hollywood, Пол Веллер из The Style Council, Джордж Майкл и Эндрю Ридгели из Wham! Пол Янг. По собственной инициативе к проекту подключились Фрэнсис Росси и Рик Парфитт из Status Quo. За ними охотно последовали Фил Коллинз и Bananarama. Дэвид Боуи и Пол Маккартни не смогли прибыть, но записали свои партии отдельно и прислали их почтой. Сэр Питер Блейк, известный всему миру по несравненной обложке *Sgt. Pepper's Lonely Hearts Club Band* The Beatles, согласился поработать над конвертом благотворительного сингла. Супер-мега-группа, собранная для записи единственной песни, получила название Band Aid, вскоре заполонившее майки и кепки и рассыпавшееся по миру миллионами стикеров.

Все делалось практически мгновенно. Песню «Do They Know It's Christmas», которой было суждено стать одним из главных треков в истории рок-н-ролла, записали 25 ноября 1984 года в лондонской студии Sarm West, а через четыре дня сингл уже продавался.

На той неделе в британском хит-параде первенствовал шотландский певец Джим Даймонд с проникновенной балладой «I Should Have Known Better». Группа Джима PhD побывала в чартах с хитом «I Won't Let You Down» еще в 1982-м, но сольного успеха музыкант добился впервые. Интервью, в котором он комментировал свой взлет, ошеломило музыкальную индустрию.

– Я счастлив, что моя песня возглавила хит-парад, – сказал Джин, – но не хотел бы, чтобы мою пластинку покупали на следующей неделе. Я бы предпочел, чтобы вместо моего сингла люди приобрели диск Band Aid.

– Это просто невероятно, – сказал Гелдоф. – Последний раз моя группа на первом месте пять лет назад, и я очень хорошо представляю, чего стоили Джиму его слова. Он отказывался от своего первого сольного хита в пользу нашего сингла. Это жест потрясающего самоотречения.

На следующей неделе «Do They Know It's Christmas» ворвался на первую строчку британского хит-парада с рекордным результатом – в первые дни разошлось свыше миллиона копий пластинки. Сингл держался на вершине пять недель, его суммарный тираж превысил в результате три с половиной миллиона копий. Оказался побит предыдущий рекорд, державшийся девять лет и принадлежавший «Bohemian Rhapsody» Queen. «Do They Know It's Christmas» оставался непревзойденным еще двенадцать лет, пока его не сместил другой благотворительный сингл – «Candle In the Wind/Something About the Way You Look Tonight» Элтона Джона, посвященный памяти погибшей принцессы Дианы Уэльской.

– Queen не могли не обратить внимания, что их даже не пригласили на запись «Do They Know It's Christmas», и это задело их, – признавал Спайк Эдни, музыкант, сопровождавший Queen на гастролях в качестве дополнительного клавишника, гитариста и вокалиста. На его счету также работа с The Boomtown Rats и другими громкими именами.

– Я говорил об этом Гелдофу, и он ответил, что если они с Queen будут в ближайшее время играть на одном фестивале, он непременно предложит им записаться. Помню, я подумал: «Черт, этого не произойдет никогда!»

Заокеанская музыкальная индустрия тоже не оставила без внимания героический порыв Гелдофа. В Америке реализовали впечатляющий проект «We Are The World», доход от которого пошел на помощь голодающим Африки. Авторами сингла выступили Майкл Джексон и Лайонел Риччи, продюсерами – Куинси Джонс и Майкл Омартиан, а в записи приняли участие легендарные музыканты, от одного перечисления которых захватывало дух. Уже в январе 1985 года в голливудской студии А&М собралось больше полусотни ведущих поп-музыкантов, среди которых – Дайана Росс, Брюс Спрингстин, Смоки Робинсон, Синди Лаупер, Билли Джоэл и Вилли Нельсон. Не менее 50 претендентов оказались отвергнуты. Прибывших в студию артистов встречала табличка, которая рекомендовала «оставить свое эго за дверью». Другим приветствием стала ехидная реплика Стиви Уандера, сообщившего, что если запись не будет закончена с первого дубля, развозить всех по домам будет лично он и Рэй Чарльз (оба

музыканта слепы). «We Are The World» разошелся тиражом свыше 20 миллионов копий, став самым быстропродаваемым американским синглом за все время существования чартов.

Вскоре Гелдоф объявил о намерении собрать величайший рок-концерт в истории. Это случилось в те дни, когда Queen выпустили смелый экспериментальный альбом *The Works*. Проигнорированные во время записи «Do They Know It's Christmas», Queen никак не могли ручаться, что им найдется место в списке участников задуманного Гелдофом шоу. Сегодня это звучит смешно, но в те дни, несмотря на 15 лет блестящей карьеры и мощнейший каталог альбомов, синглов и видео, многим казалось, что звезда Queen клонится к закату. Большую часть времени с августа 1984-го по май 1985-го группа провела на гастролях в поддержку своего последнего альбома *The Works*. Во время тура они приняли участие в фестивале Rock In Rio, где выступили перед аудиторией в 325 тысяч человек. И все-таки тур прошел не без осложнений. Ходили упорные слухи, что группа на грани распада.

– Не стану отрицать, Queen всерьез подумывали о расформировании группы, – признавал Спайк Эдни, – времена изменились, поп-мейнстрим двинулся в совершенно новом направлении. Все вокруг сходили с ума от «новых романтиков», Spandau Ballet и Duran Duran. В шоу-бизнесе провал подстерегает на каждом шагу и подстраховаться невозможно. Положение Queen в самом деле пошатнулось в первой половине 80-х, во всяком случае в Америке. Лейбл открыто выражал недовольство продажами. Группа теряла уверенность в своих силах, которая вела ее прежде через все испытания. Стоит ли удивляться, что у музыкантов возникли разногласия?

– Людям свойственно ссориться, чего уж там, – говорил близкий друг Queen, участник Yes Рик Уэйкман, – тем более музыкантам в группе. Ведь это такая работа, когда проводишь с коллегами нос к носу не только рабочее время, но и все остальное. В туре вы прилетаете в город вместе, завтракаете вместе, потом вместе едете на репетицию, там вместе обедаете, потом шоу, и так каждый день много месяцев. Единственное место, где музыкант может уединиться, – его собственная постель, но с этим в туре непросто. Вне зависимости от близости дружбы, с таким графиком рано или поздно придет день, когда вы подумаете: «Так, если он еще раз поскребет затылок, я всажу ему нож в спину». Музыкантам необходимо уважать личное пространство друг друга, а этому еще надо научиться. От группы каждый вечер ждут ударного шоу, а тут один в плохом настроении, второй отходит от наркоты, третий предпочитает разучивать новые песни уже на арене, а четвертый торопится на футбольный матч. Да и вообще, четверо или пятеро талантливых творческих людей – готовый бочонок с порохом, к которому надо только поднести спичку. В этом смысле Queen ничем не отличались от других групп.

В 1982 году группа выпустила неожиданно танцевальный альбом *Hot Space*, на котором гитары уступили место синтезаторам. Закончив тур в поддержку пластинки, Фредди Меркьюри, Брайан Мэй, Роджер Тейлор и Джон Дикон разошлись на полтора года, чтобы сосредоточиться на собственных сольных проектах. Брайан Мэй за это время записал с Эдди Ван Халеном пластинку «Star Fleet Project», а Фредди – несколько песен для своего будущего сольника *Mr. Bad Guy*. В августе 1983-го музыканты снова собрались для записи *The Works* – своего десятого альбома. В пластинку вошли такие песни, как легендарная «Radio Ga», хард-роковая «Hammer To Fall», проникновенная баллада «Is This The World We Created» и еще один хит «I Want To Break Free», наделавший шуму скандальным видео, для которого музыканты переоделись в женские платья, пародируя персонажей популярного британского сериала «Улица Коронации»¹. В Англии шутку оценили, а вот американская аудитория была шокирована, что сказалось на продажах альбома.

¹ Coronation Street – британский сериал, созданный Тони Уорреном и идущий на экранах с 1960 года по наши дни. Количество серий приближается к десяти тысячам.

Хуже того, в 1984 году Queen вместе с Родом Стюартом, Риком Уэйкманом и Status Quo выступили в ЮАР, нарушив провозглашенный ООН культурный бойкот страны, который сохранял колониальную сегрегацию негров от белых. Выступления музыкантов на курорте Sun City остро критиковались в прессе в те дни, а британский профсоюз музыкантов British Musicians Union оштрафовал группу и внес в свои черные списки. Учитывая, что сам Фредди родился в Африке, обвинения в расизме выглядели особенно комично. Тем не менее, ситуация не разрешалась до 1993-го, пока в ЮАР не сменилась власть и президентом страны не избрали Нельсона Манделу. Кстати, в последующие годы Queen зарекомендовали себя как преданные и деятельные сторонники Манделы.

– Я целиком за Queen в этом инциденте с Южной Африкой, – говорил Рик Уэйкман, – я тоже однажды выступал там, в самый разгар апартеида. Несмотря на то, что мне аккомпанировал большой оркестр, состоящий в основном из зулусов и азиатов, британская пресса нашла к чему придраться. Я пытался объясниться, но никто не собирался слушать. Музыка ведь не может быть черной или белой – это абсурд, она не имеет цвета. Выступления артиста в стране не означает, что он поддерживает режим или сражается с ним, это просто музыкальное шоу. Цветные музыканты – такие, как Дайана Росс и Джордж Бенсон – не видели для себя никаких проблем в том, чтобы выступить в ЮАР. Так что когда Queen отправились туда, я мысленно аплодировал им. Они лишний раз подчеркнули смехотворность нападок прессы и тот факт, что музыка не признает сексуальных, культурных и расовых барьеров. Она для всех.

Глобальный концерт Live Aid должен был состояться на двух континентах 13 июля 1985 года. Для мероприятия арендовались огромные стадионы – Уэмбли в Лондоне и Стадион имени Джона Ф. Кеннеди в Филадельфии. Организаторы принялись за работу, которая по сложности и объему не имела себе равных.

– Когда Боб впервые пришел ко мне в офис, чтобы обсудить мероприятие, я решил, что он шутит, – вспоминал промоутер Харви Голдсмит. – В 1985 году не существовало даже факсов, не говоря уже о персональных компьютерах, мобильных и так далее. Только телефон и почта. Помню еще, как мы явились в BBC и Боб стучал по столу кулаком со словами «нам потребуется семнадцать часов эфира» – это звучало поистине революционно. Когда BBC сдались, мы использовали их как аргумент в разговорах с остальными телекомпаниями. Ничего подобного не случалось за историю телевидения. И на мне лежала ответственность за все детали и нюансы.

Затем пришел черед уговорить крупнейших звезд рока принять участие в концерте в помощь умирающим от голода в Африке. Впрочем, многие включились в работу уже на стадии двух благотворительных синглов, ставших прологом для концерта. Музыканты, многие из которых натерпелись от блюстителей общественных нравов, продемонстрировали впечатляющее моральное превосходство над государствами, которые не сделали ничего для помощи жертвам голода.

– Нашлись и в рок-н-ролле засранцы, тянувшие с ответом до последнего, – вспоминал Фрэнсис Росси из Status Quo. – Как вспомню, злость берет. Если бы тогда собрались действительно ВСЕ, мы бы достигли намного большего. Мы могли привлечь к делу нефтяные концерны – BP, Shell и другие. Мы собрали бы в двадцать раз больше денег. И не надо ничего говорить о юридических сложностях. Можно было привлечь весь крупный бизнес, и результат превзошел бы любые фантазии. В то время не существовало проектов такого рода. Далеко не все сразу осознали значение Live Aid. Но так или иначе, прежде всего надо отметить огромную роль Боба. Ему удалось создать поистине беспрецедентное событие.

Так как же Queen в результате попали на Live Aid?

– Боб поручил мне при случае узнать, смогут ли Queen выступить, – вспоминал Спайк Эдни. – Они тогда играли в Новой Зеландии и, выслушав меня, спросили, отчего же Боб не обратится сам? Я предположил, что он, вероятно, опасался услышать отказ. Поворчав, Queen

дали согласие. Я сказал Бобу, чтобы он уладил все детали с менеджером группы Джимом Бичем.

Гелдоф позже вспоминал, что это оказалось не так просто.

– Я с ног сбил, разыскивая Джима, и наконец, настиг его в маленьком прибрежном городке-курорте. Джим, сказал я, да что ж с вами происходит-то? Чего время тянете? Ну, ответил Джим, ты же знаешь, Фредди так чувствителен. На это я ему ответил: так, просто передай своим парням, что это будет самое крутое мероприятие на этом свете – супер-мега-круть. Мы все-таки дождались подтверждения их участия. И когда Queen вышли на сцену, ни у кого не осталось сомнений – они лучшие на Live Aid. Личные вкусы не имели значения, это было объективно. У них был лучший звук, самая яркая подача, они использовали отведенные им минуты по полной. Они верно поняли идею фестиваля, как я ее описал, – музыкальный автомат в мировом масштабе. Они бомбили публику отборными хитами, одним за другим. Я бегал по делам за кулисами, когда они вышли, и застыл как вкопанный с одной мыслью в голове – кто это?

Действительно, перед самым выходом Queen на сцене появился звукоинженер группы Джеймс «Трип» Халаф – якобы просто «проверить систему». На самом же деле он выкрутил ручки у мониторов, обеспечив Queen оглушительный звук.

– Мы звучали громче всех на Live Aid, – признавал Роджер Тейлор, – наши песни в прямом смысле слова обрушивались на зрителей.

– Я выбежал и увидел, что это Queen, – продолжал Боб Гелдоф. – Они были великолепны, и аудитория буквально сошла с ума на наших глазах. Они сами были очень довольны – Фредди особенно. Он наконец нашел себе сцену по душе – ей стал весь мир. И он мог с полным основанием принимать свои царственные позы во время «We Are The Champions» – ну, все отлично знают, о чем я.

– Мы не были знакомы с Бобом прежде, – вспоминал Джон Дикон в одном из своих нечастых интервью. – Для записи «Do They Know It's Christmas» он пригласил много молодых команд, но на концерте сделал упор на более проверенных игроков. Сначала мы не знали, что и думать, – всего двадцать минут и никакого саундчека! Ближе к делу – Queen как раз играли тогда в Японии, – мы встретились в отеле за ужином и дали окончательное согласие. Это был один из тех редких дней, когда ты не жалеешь, что ввязался в музыкальный бизнес. Live Aid – прекрасная акция, ради которой музыканты забыли о соперничестве. Для нас выступление оказалось полезным в высшей степени – оно показало, что в Англии нас по-прежнему любят и нам есть чем еще удивить остальных.

– Чудеса начались уже на стадии планирования сета Queen, – вспоминал Спайк Эдни. – Мы сидели за столом, обсуждая треки для выступления, и как-то сама собой родилась мысль сделать попури из хитов. Идея, в общем, напрашивалась – у группы так много узнаваемых песен, что собрать из них программу на 20 минут просто невозможно. А вот если из каждой сыграть по кусочку... Музыканты загорелись идеей. А надо понимать, что каждый из них – такой перфекционист, которого в кошмарном сне не встретишь. Каждая деталь оттачивалась до совершенства. И когда шоу наконец состоялось, оно и вправду получилось фантастическим.

– Пока остальные подбирали себе наряды, Queen репетировали всю неделю, до седьмого пота выкладываясь на своей базе в лондонском театре Shaw Theatre, что на Юстон-роуд, – вспоминал Питер «Феб» Фристоун, личный ассистент Фредди. – Именно поэтому они и сорвали банк. Помню, как тень изумления пробежала по его лицу, когда Queen заиграли «Radio Ga Ga» и десятки тысяч рук слаженно пришли в движение. Queen никогда в жизни не видели ничего подобного – прежде они исполняли эту песню только в темноте.

У Спайка Эдни остались несколько иные воспоминания – по его рассказам, Фредди с самого начала пребывал в боевом настроении, в котором не оставалось места удивлению. Он и группа шли своим курсом, увлекая толпу за собой. На правах одного из зрителей я склонна

согласиться со Спайком. Это был один из самых ярких моментов в биографии Queen, кульминация, к которой они шли всю свою карьеру.

– Происходящее за кулисами можно описать как слегка организованный хаос, – вспоминал Спайк. – Все держались совершенно открыто, никакого пафоса, соперничество было забыто, и никто особенно не надрывался. Пока Queen не вышли на сцену, происходящее напоминало умильный летний пикник. Но это не означает, что группа специально старалась выделиться или заранее просчитывала свой успех. Они просто отлично делали свою работу, как и всегда, и были вправе ожидать того же от остальных. Я опасался, что некоторые артисты используют концерт для рекламы своих последних синглов, но Queen были далеки от этого. Они сделали именно то, что просил Боб, – сыграли свои главные хиты. Сегодня их выступление часто называют «лучшими рок-концертом всех времен». Что же стоит за этими словами? Да просто группа на пике формы, которая играет в полную мощь и оставляет всех стоять с отвисшими челюстями.

– Никто по-настоящему не готовился к шоу... за исключением Queen, – вспоминал Пит Смит, главный координатор проекта, автор книги воспоминаний «Live Aid». – Я наблюдал за их выступлением за кулисами, с монитора. BBC расставили мониторы, на которых транслировалось шоу, повсюду за кулисами и в гримерках, чтобы каждый мог чувствовать себя частью аудитории. На моих глазах Queen за двадцать минут переписали историю рок-н-ролла. Их мощь была физически ощутима. Live Aid моментально превратился в бурлящий котел.

Поставленная под вопрос репутация Queen оказалась эффектно восстановлена. Группа была в превосходной творческой и технической форме, и все-таки надо признать – почва понемногу уплывала из-под ног музыкантов. Оставив в стороне юридические дела, достаточно сказать, что музыкальный вкус публики стремительно менялся – рок уступал место пограничным, синтетическим жанрам вроде постпанка. Казалось, лучшие дни Queen миновали. Но благодаря Live Aid сомнения остались в прошлом.

И все-таки – что именно так поразило всех в искрометном выступлении Queen? Спайк Эдни только пожимал плечами.

– Queen просто сыграли в полную силу. Их репутация держалась на способности выкладываться на концертах без остатка. Речь именно о стадионных шоу – они на них собаку съели. И чем больше аудитория, тем мощнее выступали Queen. Они очень удивились, узнав, сколько шуму наделало их выступление. Для них это был просто еще один день на работе. Но это был удачный день – после Live Aid весь мир стал другим.

Бернард Доэрти выступил пресс-менеджером мероприятия, координируя бесчисленных журналистов, прибывших его освещать.

– От нас требовалось, чтобы пресса была всем довольна и не поскупилась потом на количество знаков в статьях о Live Aid. Проходок, дающих доступ вообще везде, у меня было всего три, а вот ламинированных пропусков для прессы, позволяющих попасть за кулисы, – сколько угодно. Я с заговорщицким видом вручил их не одной сотне репортеров: «Давай, только быстро, у тебя есть сорок пять минут, чтобы сделать материал, увидимся потом в Hard Rock Cafe» (там у нас был фуршет для журналистов). За кулисами царил полный неразбериха – звезды толкались там целыми табунами. Все вагончики-гримерки стояли распаханутыми, а посреди Элтон Джон затеял барбекю, потому что его не устраивало меню, предложенное звездам. Знаменитый фотограф Дэвид Бейли, работавший еще с Хичкоком, установил свою студию в неказистом тесном углу – другого места просто не оказалось, и он не стал спорить. Никто ничего не успевал, все решения принимались на лету. Но все прошло прекрасно! Люди отдались мероприятию целиком, действовали слаженно, единой командой, и это сработало.

В то время Доэрти работал также с Дэвидом Боуи, и на фестивале ему пришлось совмещать обе свои функции.

Когда помимо своего артиста приходится следить еще за кем-то, это уже нервирует. А тут мне нужно было успевать делать восемнадцать дел одновременно. Дэвид как раз был в ссоре с Элтоном Джоном – их дружбе явно пришел конец. Дэвид выступил хорошо, у Элтона тоже все прошло без сучка и задоринки. Боуи искренне обрадовался, встретив Фредди. И эта радость была взаимной. Фредди и Дэвид тут же принялись болтать, будто только вчера расстались. Прямо перед выходом Дэвида Фредди произнес ему что-то типа: «Если бы я не знал тебя так хорошо, зайчик мой, сейчас мне бы следовало укусить тебя как следует». Неудивительно, что Дэвид появился на сцене с широкой улыбкой.

Весь день Фредди был совершенно расслаблен.

– Он держался очень скромно, хотя это ничего не меняло. Фредди в любом случае привлекал всеобщее внимание, даже если пытался замаскироваться темными очками и бейсбольной. Это качество с трудом поддается определению, но им обладают все настоящие звезды, а Фредди определенно был одной из них. Джона Дикона я не помню, возможно, он вообще не выходил из гримерки. Брайан Мэй и Роджер Тейлор не сказали друг другу ни полслова. Они напоминали разведенных супругов, по недомыслию оказавшихся на одной вечеринке.

У Фрэнсиса Росси из Status Quo остались несколько другие воспоминания.

– Я не сторонник теории, что Queen едва не распались тогда. Вовсе нет. Мы близко общались с парнями, и все у них шло нормально. У всех людей бывают разногласия, но к Live Aid они уже давно разобрались между собой.

И все-таки слухи о распаде Queen гуляли за сценой.

– Напряжение между ними было хорошо заметно, – настаивал Бернард Доэрти, – но на выступлении это не отразилось, все-таки они профи. Queen определенно стали главной группой дня. Если бы не их выступление, что бы мы вспоминали о Live Aid? Как у The Who вырубился звук? Или как Боно из U2 спустился к зрителям в партер, нарушив неписанные законы концерта и оскорбив остальных участников? Даже ребята из U2 с ним потом не разговаривали.

Несмотря на то, что именно Live Aid утвердил U2 в статусе стадионных звезд, их выступление не обошлось без недоразумений. Для начала, они исполнили 14-минутную версию своей тягучей песни «Bad» об ужасах героиновой зависимости. Фрагменты песни Боно чередовал с кусочками чужих хитов – «Satellite Of Love» и «Walk On the Wild Side» Лу Рида и «Ruby Tuesday» и «Sympathy For The Devil» The Rolling Stones. Далеко не все поклонники пришли в восторг от этой экстравагантной идеи, а времени у группы осталось только на одну песню – их глобальный мегахит «Pride (In the Name Of Love)». Но во время исполнения этой песни Боно заметил юную девушку, которая задыхалась, почти раздавленная толпой. Боно подавал охране отчаянные знаки, но его не понимали. И тогда певец прыгнул со сцены, ворвался в толпу и вытащил несчастную сам. Их танец и поцелуй стали настоящим символом фестиваля, а на следующей неделе после Live Aid альбомы U2 вернулись в британский хит-парад.

– Тогда всем показалось, что U2 завалили свое выступление, – вспоминал Доэрти, – и не только они. Саймон Ле Бон из Duran попотчевал публику сорванным вокалом, не попадая в ноты. Многие раскритиковали выступление Боуи. Фил Коллинз играл на обоих фестивалях, и в Англии, и в США, но, думаю, многие предпочли бы, чтобы его вообще не было в проекте, – в том числе реформированные Led Zeppelin, для которых он должен был барабанить в Америке. И только Queen в точности выполнили поставленную Бобом задачу. Когда группа вышла, я стоял за кулисами. Сначала волновался – даже величайшие музыканты не застрахованы от провала. Но я напрасно переживал. Queen выложились по полной. С первых нот они свели аудиторию с ума. Я наблюдал за их выступлением и вспоминал все великие шоу, на которых до этого побывал, – Алекса Харви, Яна Дьюри, Дэвида Боуи, The Rolling Stones. Фредди безошибочно вел инстинкт звезды, неизбежно притягивающей к себе всеобщее внимание. Можно было подумать, что он обучился всем секретам всех артистов, работавших до него, и составил

из них собственный рецепт. Все выступление прошло идеально, без единой фальшивой ноты или неловкого момента. Аудитория лежала у ног Фредди.

Доэрти вспоминал, что осознание величия момента пришло к нему не сразу.

– Не в этот день, нет. Я был слишком занят. До появления мобильных телефонов оставалось несколько лет, и я бегал с наушниками, рацией и головой, под завязку набитой заботами. Конечно, я отметил, как они взорвали аудиторию, обратил внимание, что за кулисами вдруг замерли все разговоры и все слушали только Queen... Кто выступал до и после Queen, теперь никто и не вспомнит. Что врезалось в память лично мне? Да то, что Фредди сделал тогда всех.

Дэвид Вигг, ветеран музыкальной журналистики, писавший тогда для Daily Mail, был много лет близким другом Фредди.

– Я стал единственным журналистом, допущенным в гримерку Меркьюри, пока он готовился к величайшему выступлению в своей карьере, – вспоминал он. – Фредди был совершенно расслаблен и полностью уверен в своих силах. «Мы сыграем те самые песни, по которым нас знают, все останутся довольны», – говорил Фредди.

Перед выходом на сцену он и Дэвид говорили о Live Aid, и Меркьюри не мог не вспомнить свое детство, прошедшее в странах третьего мира.

Фредди рассказывал, что уже ребенком насмотрелся на нищету в Индии, где ходил в привилегированную английскую школу. «Но я никогда не чувствовал вины за то, что родился в богатой семье, – настаивал Фредди. – Потому что начини я убиваться по этому поводу, ничего не изменилось бы. Неравенство процветало везде и всегда, и один концерт тут ничего не исправит. Идея в том, чтобы оповестить весь мир об ужасах, происходящих в Африке. Готовясь к шоу, мы хотели сделать что-то особенное, что люди захотели бы посмотреть, послушать, а там, может, и пожертвовать что-нибудь. Но в словах легко запутаться, тут нет никаких «нас» и «их». У всех нас общая цель.

Фредди признавался Виггу, что когда случайно наткнулся на телефильм о голоде в Африке, ему пришлось быстро переключить канал.

– Это такой ужас, невозможно смотреть. Иногда я чувствую себя беспомощным. Но сейчас один из тех случаев, когда я могу внести свой вклад. Боб невероятно крут, ведь именно он заварил эту кашу. Все наверняка думали о том, чтобы сделать что-нибудь когда-нибудь, но если бы не Боб, ничего не сдвинулось бы с точки.

Скромный парикмахер Джим Хаттон, сошедшийся с Фредди незадолго до Live Aid и остававшийся с ним до самого конца, тоже посетил фестиваль – первое рок-шоу в своей жизни. Кто мог тогда представить, что уже через шесть лет ему придется готовить Фредди к похоронам... Тогда Джима привезли на концерт в шикарном лимузине Фредди. Никогда прежде он не видел Queen на сцене.

– Я чувствовал себя не вполне в своей тарелке среди всех этих гламурных суперзвезд, – вспоминал Джим. – Каждый из Queen разместился в собственном трейлере, все взяли с собой жен, а Роджер и Брайан – детей. Фредди знал тут всех до единого. Он познакомил меня с Дэвидом Боуи, которого я, впрочем, и так раньше стриг. А Элтону Джону он представил меня как «своего нового парня». Когда подошло их время выступать, он хлопнул бокал водки с тоником и сказал «ну, поехали»!

– Я проводил его до сцены. Поцеловал и пожелал удачи. И услышал все их песни – «Bohemian Rhapsody» с Фредди на фортепиано, «Radio Ga Ga», когда весь зал хлопал в унисон, «Hammer To Fall», потом «Crazy Little Thing Called Love», в которой Фредди играл на гитаре, и, наконец, громоподобное завершение, «We Will Rock You» и «We Are The Champions». Я застыл как пораженный громом. Позже, когда стемнело, Фредди и Брайан опять появились на сцене и исполнили трогательную, изумительную балладу «Is This the World We Created». Они записали эту песню незадолго до Live Aid, но она пришлась так к месту, будто ее сочинили спе-

циально для мероприятия. Слова так точно соответствовали настроению вечера и Фредди пел их так проникновенно, что я не выдержал и разрыдался. Он постоянно доводил меня до слез.

Так Джим (умерший в январе 2010-го от рака, через девятнадцать лет после Фредди) впервые увидел своего звездного любовника за работой.

– Он покори́л всех. Я был потрясен до глубины души. Когда все закончилось, Фредди облегченно рассмеялся за кулисами – «ну слава Богу, доиграли». Еще один коктейль с водкой, и он стал прежним моим Фредди. Мы оставались до самого конца шоу и видели всех, кто выступал, но Фредди отказался ехать на афтепати в клуб Legends, где собирались все звезды. Вместо этого мы, как пожилая семейная пара, отправились домой смотреть по телевизору американскую часть Live Aid.

Кто не пришел на концерт, так это родители Фредди. Обычно посещавшие британские концерты Queen, в этот раз они предпочли остаться дома.

– Такое крупное мероприятие, мы решили не ввязываться, – вспоминала мать Фредди, Джер. – Добираться на стадион, потом выбираться обратно – не для пожилых людей вроде нас. Мы с Боми, отцом Фредди, решили остаться дома и посмотреть по телевизору. Я чувствовала такую гордость. Боми обернулся ко мне со словами: «Наш мальчик сделал все как положено»!

Профессионалы, занимавшиеся трансляцией и записью концерта, оценили выступления Фредди как по меньшей мере сенсационное. Майк Эплтон, продюсер легендарного рок-сериала BBC «Old Grey Whistle Test», называл выход Меркьюри «завораживающим».

– Поначалу даже не предполагалось, что Queen вообще смогут выступить. У Фредди была ужасная простуда, доктора не рекомендовали выступать, но он настоял на своем. И вместе с Боно они стали героями этого дня.

– Самому мне удалось увидеть Фредди лишь мельком – слишком занятой был день. Мы монтировали программу на лету: 20 минут из Лондона, 20 минут из Америки, одно интервью, другое, лучшие моменты первого часа и так далее. Получилась невероятно будоражающая теле-трансляция. Фредди, едва выйдя на сцену, крепко взял аудиторию в свои руки и не выпускал до самого конца.

– Queen тогда не особенно блистали, сенсационных альбомов от них не слышали уже давно. Но Live Aid не просто вернул Queen в высшую лигу рока, он подстегнул всю индустрию целиком – интерес к музыке резко возрос, продажи дисков заметно подскочили. А главным катализатором этого процесса выступил Меркьюри. Этот вечером стал его пиком – никогда прежде я не видел Фредди в такой форме. Возможно, на эмоциональном плане день принадлежал Бобу Гелдофу, но на музыкальном – Фредди Меркьюри.

Позже за работу над трансляцией и съемкой Live Aid Майк был удостоен премии BAFTA как лучший продюсер.

Дейв Хоган, отвечавший за фотосъемку, разделял мнение Эплтона.

– Всего шесть фотографов получили официальную аккредитацию, – вспоминал ведущий папарацци легендарного таблоида The Sun. – Мы делали кадры для альбома о фестивале и могли шастать где угодно.

– Никто не сомневался, что Фредди великий музыкант, и все-таки, когда он появился на сцене, у многих перехватило дыхание. Когда они вышли, еще даже не стемнело, и он устроил этот сеанс магии прямо посреди бела дня. Помню, как он начал с «Radio Ga Ga», и бескрайняя толпа, как зачарованная, хлопала ладонями вслед за Фредди, строго в такт. Океан из людей забурлил, от энергии музыки по спинам поползли мурашки. Это был именно тот миг, ради которого и нужны фотографы. И он принадлежал Фредди. На Live Aid хватало запоминающихся моментов – тут и прыжок Боно в толпу, и первое выступление Пола Маккартни со дня убийства Джона Леннона. Но именно Фредди сорвал главный банк. Он, единственный из артистов, увлек за собой всех зрителей без исключения.

Итак, элита рок-музыки пела и танцевала, чтобы накормить голодающих. Все в один голос утверждают, что именно выступление Queen получилось самым драйвовым, самым запоминающимся и лучше всех выдержало испытание временем.

Музыканты Queen, вспоминая Live Aid, в первую очередь отмечают роль своего фронтмена.

– Мы играли неплохо, но Фредди поднял шоу на другой уровень, – говорил Брайн Мэй, известный скромник. – Речь шла не просто о поклонниках Queen – он достучался тогда до всех.

Позже он уточнил в интервью, которое я брала у него в офисе Queen на Пембридж-роуд:

– Фредди стал самой сутью Live Aid. Его выступление получилось экстраординарным. Казалось, исходящую от него силу можно пощупать. Никто не мог ее игнорировать.

Из всех семисот четырех концертов Queen с Фредди в качестве вокалиста выступление на Live Aid и сегодня считается самым ярким и важным. Они продемонстрировали тогда свою силу без поддержки сценических спецэффектов и виртуозно настроенного звукового оборудования, они обошлись без помощи естественной магии темноты и меньше чем за 20 минут доказали себе и окружающим, что по-прежнему могут поставить весь мир на уши. Queen тогда и подумать не могли, что это и был их звездный час, и он уже позади. Объединенным общим ликованием музыкантам вскоре пришлось убедиться, что их новая жизнь, начавшаяся на Live Aid, окажется трагически короткой.

2. Занзибар

Меня разбудил слуга. Отхлебнув апельсинового сока, я распахнул дверь и вышел прямо на пляж.

Фредди Меркьюри

Он тщательно скрывал свое происхождение. Я не знал даже его настоящего имени. Темная кожа, азиатские, восточные черты – он определенно приехал из колоний или, как минимум, его родители были экзотического происхождения. Но причина скрытности Фредди явно крылась не в расистских предрассудках – в конце концов, его героем был Джими Хендрикс.

Тони Брейнсби, первый пресс-менеджер Queen

Возможно, Фредди полагал, что музыкальный мейнстрим 70-х не готов к звезде с африкано-индийскими корнями. Сегодня это трудно себе представить. Напротив, экзотическое происхождение считается дополнительным козырем музыканта. Но в те времена было иначе. Биография Фредди совсем не соответствовала идеалу поп-звезды. Рок-идолов поставляла главным образом Америка: Калифорния (Beach Boys), Флорида (Джим Моррисон), Миссисипи (Элвис Пресли) и округ Вашингтон (Джими Хендрикс). The Beatles нанесли на эту карту Ливерпуль, Лондон тоже котиrowался благодаря Мику Джаггеру и Киту Ричардсу. Белые англо-саксонского происхождения подходили идеально, чернокожие американцы – почти в той же степени. Да еще в те годы многие звезды любили напустить туману вокруг своего происхождения, чтобы журналистам нашлось, о чем пофантазировать. У меня скопилось столько взаимоисключающих данных о рождении и детстве Фредди, что я решила разобраться во всем самостоятельно.

В Дар-эс-Салам я прилетела через Найроби, а там пересела на корабль, который довез меня до Занзибара, столицы острова, через залив, кишаций рыбачьими плоскодонками и каноэ. Красочная экзотика окружала со всех сторон. Мне, родившейся в скучнейшей провинции, нелегко понять, отчего Фредди мучил воду вокруг своего происхождения. Разве это не прекрасно – рассказывать гостям байки про Синдбада и Али-Бабу, про диких арабских принцев и восточные наслаждения. Но нет, Фредди старательно оберегал эту тайну.

Занзибар – не более чем пятнышко на карте, чуть южнее экватора на восточном берегу Африки. Если присмотреться, то пятнышек не одно, а два – основной остров, Угунджа, и второй, поменьше и подальше, Пемба – в последние годы он стал модным курортом. Вместе с бывшей немецкой (а затем британской) колонией Танганьика архипелаг Занзибар образуют сегодня Объединенную Республику Танзания. Незначительный по территории, Занзибар тем не менее подвержен всем типичным проблемам Африки: коррупции, разрухе и преступности. Веками на остров высаживались ассирийцы, шумеры, египтяне, финикийцы, индусы, персы, арабы, и это не считая малайцев, китайцев, португальцев, голландцев и французов, так что не приходится удивляться, что история Занзибара читается как книга сказок 1001 ночи. Некоторые завоеватели задержались на острове надолго – прежде всего персы, арабы и, несколькими веками позже, британцы. Племена, говорящие на суахили, появились тут еще на заре ислама. В 1818 году на остров завезли гвоздичное дерево, и вскоре специи стали главной статьей экспорта. Имбирь, мускатный орех, ваниль, гвоздика и кардамон из Занзибара славились во всем мире. Благодаря миссионерам и знаменитым путешественникам, начинавшим здесь путешествие на Черный континент, в истории острова хватает легенд о гаремах, дворцовых интригах и сбежавших принцессах. Есть в летописи Занзибара и позорные страницы – там процветала

торговля не только слоновой костью, но и рабами. Вплоть до окончательной отмены рабства в 1897-м через невольничьи рынки Занзибара проходило ежегодно до 50 000 человек, пригнанных из отдаленных районов в центре континента.

На берегах Угунджи высятся дворцы султанов, древние арабские форты с ржавыми пушками, здания колониальной архитектуры и дома богатых купцов. Парадный фасад острова скрывает лабиринт узких улиц и базаров, кишаших людьми. Фредди провел свое детство здесь, в квартире в Каменном квартале, возвышающемся над островом.

Его мать, Джер, сама была почти ребенком, когда родила Фредди 5 сентября 1946 года (в этот день парсы отмечали свой Новый год). То, что первенцем стал мальчик, 18-летняя мать восприняла как благословение небес. Когда весть достигла ее мужа Боми, он был вне себя от радости – род продолжен! В конце концов, тогда родители еще не знали, какой стиль жизни выберет их наследник. Над именем ребенка ломать голову не приходилось – как и почти все парсы, они исповедовали зороастризм, монотеистическую религию, появившуюся в VI веке в Персии, и традиция строго ограничивала выбор. Супруги Булсара остановились на имени Фаррух, которое Боми надлежащим образом зарегистрировала в местной государственной конторе.

– Прекрасно помню день, когда родился Фредди, – вспоминал Первиз Дарунканавала, урожденная Булсара.

Я навестила ее дом в квартале Шангани. Первиз приходилась Боми племянницей – ее отец Сорабджи и Боми были родными братьями, двумя из восьми.

– Отец Фредди и мой папа родились и выросли в Булсаре, маленьком городке к северу от Бомбея (который теперь называют Мумбаи), в штате Гунджарат, – объясняет Первиз, – отсюда и пошла их фамилия. Братья один за другим уехали на Занзибар в поисках работы. Отец устроился в местную электрическую компанию, а Боми получил место в Высшем суде, где работал бухгалтером. Потом уже он вернулся в Индию, откуда привез жену, Джер, и тут она родила ему Фредди.

Он был такой крохотный, как котенок. Еще младенцем его приносили нам домой. Боми и Джер оставляли его у моей матери, когда хотели прогуляться. Потом он подрос и сам приходил поиграть. Он был ужасно непослушным мальчишкой. Я была намного его старше, и мне нравилось везде с ним носиться. Я очень любила Фредди и каждый раз не хотела отпускать его домой.

Первиз вспоминала, что чета Булсара вела вполне обеспеченную и благополучную жизнь, протекавшую строго в рамках их древней религии и культуры. Жалование Боми лишь немногим уступало средней зарплате государственного служащего в Британии и позволяло ему жить в комфортном доме с несколькими слугами, включая няню Фредди Сабайн. В 1952-м, когда Фредди исполнилось шесть, родилась его сестра Кашмира.

Офис Боми располагался во дворце Байт-эль-Аджаиб, Доме чудес, построенном султаном Сеидом Баргашем в XIX веке для торжественных церемоний. Самое высокое здание во всей Западной Африке, дворец тонул в роскошных садах. Во время короткого восстания против британской администрации здание подверглось бомбардировке и позже, после существенной реставрации, здесь оборудовали главный музей Занзибара. По работе Боми много ездил по острову, случались и командировки в Индию. Родители Фредди добросовестно практиковали зороастризм, но ребенка тем не менее отдали в Миссионерскую школу Занзибара, где преподавали англиканские монахи. Фредди с самого детства демонстрировал выдающиеся способности, прежде всего к рисованию и театру.

– Очень скоро он превратился в восхитительно учтивого, серьезного и аккуратного юного джентльмена, – вспоминала Первиз.

– Но и озорная жилка проскакивала то и дело. Впрочем, по большей части я помню его замкнутым и скромным. Даже застенчивым. Он никогда много не болтал, даже в кругу родных.

Такой характер. Потом, когда он подросток, мы стали видеться реже – он все больше и больше времени проводил с другими мальчиками на улице и пляже.

– Ребенком он безумно любил музыку, слушал ее при каждой возможности, – вспоминала мать Фредди, Джер. – Фолк, опера, классика, ему нравилось все. Думаю, он мечтал стать певцом с самой юности.

Первиз удивилась, услышав, что все мои попытки раздобыть копию свидетельства о рождении Фредди закончились неудачей. Не помогла даже личная встреча с начальником паспортного стола.

– Вы здесь ради свидетельства о рождении Фредди Меркьюри? – любезно улыбнувшись, спросил он. – Так его у нас нет. Уже нет. Несколько лет назад приезжала женщина из Аргентины, для нее сняли копию, и с тех пор сертификат затерялся, хотя его спрашивали тысячи раз – поклонники Фредди, судя по всему. Где-то это бумажка до сих пор валяется, но где – не могу вам сказать.

За ресепшеном паспортного стола виднелись захламленные донельзя кабинеты. Из дражной папки, которую принес мой собеседник, только на ходу вывалилось, должно быть, не менее дюжины свидетельств о рождении.

– Тут есть один человек, врач, его зовут доктор Мента. Сейчас он, правда, в Омани, но на следующей неделе должен вернуться. У него, насколько знаю, должна храниться копия свидетельства Фредди.

Стоит ли говорить, что никакого доктора Мента я так никогда и не увидела.

Мой интерес к корням Фредди понравился не всем. Дочь Первиз, Дайана, настаивала, что вообще не понимает, в чем причина такого интереса к этому, как она говорила, Фредди Меркьюри.

– Он уехал с Занзибара, когда я была еще ребенком, – пожалала она плечами, чуть побагровев. – Он предал свое родовое имя. У него нет с нами ничего общего. Он не испытывал никакой гордости за Занзибар. Он – чужак, принадлежащий к другой жизни.

От дальнейших разговоров она отказалась.

Настроения Дайаны разделяли многие из тех, кого я встретила на Занзибаре. Несколько домовладельцев утверждают, что им принадлежит бывшая недвижимость семьи Булсара, но внятных доказательств ни у кого нет, да никто и не ищет. Как сказал мне один индус-сапожник:

– Я по вашему вопросу ничего не знаю, и остальные тоже. Утверждающие обратное, тем более глупы, просто хотят заработать. Не осталось никого, кто помнил бы те времена. Очень многие переехали, на их место прибыли другие. Но если вы что-нибудь выясните, скажите мне, пожалуйста, а то туристы достали уже вопросами – американцы, англичане, немцы, японцы. А местные и в толк не могут взять – кто это такой-то, Фредди Меркьюри?

Вот так-так! Для «профессиональных» поклонников Queen Занзибар – неперемное место паломничества. Специализированные фирмы организуют недешевые туры на остров, о самом знаменитом уроженце которого тут напоминают только несколько видовых туристических ресторанов. При жизни Фредди ему не воздавали тут и этих почестей. В государственном архиве не сохранено ни одной бумаги, связанной с его именем. В краеведческом музее я, как ни старалась, не нашла ни одного упоминания о нем. Что уж говорить о мемориальной квартире, памятнике, хотя бы портрете на марке. А как пошли бы сувенирные термометры, ведь Меркьюри – это ртуть! Но их нет, как нет ни пепельниц, ни магнитов, ни даже открыток. Если в мире и существует полная противоположность мемориалу Элвиса Пресли в его поместье Грейсленд, которое посещают миллионы людей каждый год, то эта противоположность находится на Занзибаре.

Загадка пропавшего свидетельства о рождении напомнила о себе еще раз, когда я уже вернулась домой. Марсела Делоренци из Аргентины – та самая! – вышла на меня сама. Она сообщила, что как раз собирается в Лондон и у нее есть для меня подарок. Этим подарком

оказалась копия о рождении Фредди, пришедшая мне по почте. С Марселей, журналисткой из Буэнос-Айреса, мы так не встретились тогда. Сама я не стала ее искать, а она не просила ничего взамен присланной копии. В сопроводительном письме Марсела утверждала, что видела оригинал своими глазами. Вероятнее всего, в конце концов кто-то из клерков просто продал его коллекционеру.

В 2006-м Ассоциация Исламской Мобилизации и Развития (АИМИР), реакционная исламская группировка с Занзибара, громогласно потребовала отменить запланированное празднование 60-летия Фредди на острове. Ему вменялось попирающее священные устои поведение, которое, мол, и довело его до смерти от СПИДа в 1991-м. Мракобесы пригрозили обрушить свое варварство на туристов, собирающихся на остров со всего света, и посоветовали им остаться дома.

Удивляться тут нечему. Еще в 2004-м гомосексуализм на Занзибаре был объявлен преступлением. Какой уж тут праздник.

– Мы хотим, чтобы все поняли – гомосексуализму не место на Занзибаре, – говорил предводитель АИМИР Абдалла Саид Али. – Мы защищаем религиозную мораль в обществе, и все, что противоречит исламу, будет уничтожено.

Ислам-то ладно, но ведь и семья Фредди была глубоко религиозной. Он всем сердцем любил родителей и сестру. И отлично знал, что зороастризм запрещает мужеложство. Возможно, именно это обстоятельство сильнее всего отравило юные годы Фредди, когда он пытался побороть свою природу. В священном тексте этой религии, «Вендидад», говорится: «Мужчина, который ложится с мужчиной, есть Дэва (демон): этот человек поклоняется демонам и есть любовник демонов».

Стало быть, для парсов гомосексуализм не просто грех, но и поклонение дьяволу.

Рассмотрим весь контекст. Даже сейчас гомосексуальные контакты между взрослыми мужчинами по обоюдному согласию запрещены законом в 70 странах из 195. В Англии и Уэльсе этот запрет отменили в 1967-м, а вот в Шотландии – только в 1980-м, в Северной Ирландии – в 1982-м. На протяжении 80-х и 90-х гей-активистам по всему западному миру еще приходилось бороться за то, чтобы возраст согласия для гетеро- и гомосексуальных контактов сравнялся.

– Фредди не любил нас, – говорила его кузина Дайана, – он относился к другому миру.

Чего скрывать, именно так все и обстояло. У Фредди были самые что ни на есть фундаментальные причины покинуть Африку. Можно не сомневаться, боль по отвергнувшей его родине жила в сердце Фредди до самого конца.

Для всех нас детские воспоминания – тихое убежище, куда всегда можно обратиться за покоем и утешением. Фредди так не мог – его детство прошло на острове, где его не просто отвергали, но и отказывали в праве на жизнь. Многие считают, что Фредди примирился с прошлым, написав песню «Seven Seas Of Rhye», ставшую первым хитом Queen в 1974-м. Текст этого хард-рок хита основывался на историях о волшебной стране Рай, которые Фредди сочинял со своей младшей сестренкой. Возможно, полет детской фантазии подстегивали мифы про эпические странствия зороастрийского пророка Заратустры. Продюсер британского Radio 2, музыкальный архивариус и коллекционер Фил Сверн придерживается именно этой версии.

– Я всегда думал, что «Seven Seas Of Rhye» написана о жизни Фредди на Занзибаре, точнее – о его детских мечтах. Он всегда искал там убежища, когда реальность наваливалась всей своей тяжестью.

В одном из радиointервью Фредди называл текст песни «плодом воображения».

– Тексты в моих песнях основаны главным образом на мечтах и фантазиях. Не ищите в них земных смыслов, они ближе к сказкам. Я не из тех авторов, что бродят по улицам в поисках сцен для вдохновения, мне не нужно искать его в сафари или альпинизме. Нет, вдохновение приходит ко мне прямо в джакузи.

Тема волшебных стран – одна из ключевых в текстах ранних Queen. Она есть и в других песнях с первого альбома, таких как «Lily Of The Valley», «The March Of The Black Queen» и «My Fairy King». Она получила развитие и в дальнейшем – так, в поставленном в 2002-м в Лондоне футуристическом мюзикле «We Will Rock You» семь полей страны Рай (то есть «Seven Seas Of Rhye») – это страна, в которую предводитель глобальной компьютерной полиции Кагоши (персонаж песни Queen) ссылает богемных бунтовщиков, подпольно слушающих рок.

В конце «Seven Seas Of Rhye» слышно, как затихающий хор поет «Хорошо бы сейчас у моря оказаться!» Еще один намек на беззаботное пляжное детство Фредди?

Этого никто не знает. Что известно наверняка – тем, кто отказался от веры предков, нет ходу назад.

3. Панчгани

Я рос... не по годам развитым ребенком, и родители решили отдать меня в хорошую закрытую школу. Так что в семь лет я начал учиться в Индии. Полагаю, это подтолкнуло мое развитие.

Фредди Меркьюри

Родители Фредди решили отправить его в индийскую школу, и мне очень не хотелось его отпускать. Но в то время на Занзибаре образование, мягко говоря, не блистало. Тем более в те годы они работали на Пембе, а уж там со школами было совсем плохо. Они решили, что самым разумным будет отправить мальчика к сестре Боми, моей тетке, которую тоже звали Джер, в Бомбей.

Первиз Дарунканавала, двоюродная сестра Фредди

В ноябре 1996-го меня пригласили на закрытый фуршет по поводу открытия посвященной Фредди фотовыставки в «Роял Альберт-холле». Она открывалась в пятую годовщину его смерти. Приглашенные имели самое прямое отношение к Фредди – от Маржи, его уборщицы, и Кена Тести, первого менеджера группы, до Дениса О’Регана, одного из любимых фотографов Queen. Совсем уже старички, родители Фредди тоже пришли. Когда я представилась, они тепло поприветствовали меня. Боми Булсара, отец Фредди, взял меня за руку.

– Это так прекрасно, вся фотовыставка и эти милые люди, собравшиеся здесь в честь нашего сына. Мы гордимся им, – сказал он.

Выставка потом объехала весь свет, побывала в Париже и Монтре, добралась и до Бомбея. Как раз в то время несколько журналистов попытались вывести Фредди на чистую воду, «разоблачив» некие его «индийские корни». Помню заголовки вроде «Бомбейская рапсодия» и «Сын Индии». Писали – будто это какое-то откровение – что Фредди был первой британской звездой азиатского происхождения. Басни о его индийских корнях занимали целые полосы, а его персидское происхождение ставилось под вопрос. Развернувшаяся дискуссия задела чувства лондонской общины персидских парсов.

– Оттого, что мы, парсы, не живем в Персии с IX века, мы не перестаем принадлежать к персидской культуре, – заявил пресс-секретарь общины.

– Наши предки покинули Персию, чтобы избежать насильственного обращения в ислам. То, что они мигрировали в Индию, не делает их индусами. Никто же не требует от евреев, чтобы они родились и выросли в Палестине? Есть большая разница между гражданством и национальностью. Между происхождением и подданством. Да, у персидских парсов нет земли, которую они могли бы называть родной (на их бывшей территории расположен современный Иран). Это не мешает нам оставаться персами в своих сердцах.

Впрочем, о каких тайнах могла идти речь? Персидское происхождение Фредди очевидно для каждого, кто видел его фотографии. Чего стоят одни его выступающие зубы.

Рожденные в колониальной Индии, родители Фредди Боми и Джер получили британское гражданство при рождении, что зарегистрировано в соответствующих документах. В графе «национальность» оба указали «парс». Фредди родился уже на Занзибаре и считался местным, на чем основывались другие спекуляции, что он, дескать, скорее африканец, чем азиат. Его семья никогда не выступала публично против таких заявлений, хотя, казалось бы, они задевали честь их религии. Порой поведение семьи Булсара озадачивало.

Кроткие и интеллигентные, покорные всему, что бы ни происходило с ними, родители Фредди жили в предсказуемом и выверенном мире вековых религиозных ритуалов. Оба были совершенно миниатюрными. Фредди лицом пошел в мать, унаследовав ее полные губы, откры-

тый взгляд и нестандартный прикус. Сдержанные и церемонные на людях, дома они открывались как общительные и гостеприимные хозяева. Боми не был для сына ни ролевой моделью, ни просто властным родителем – в семье его вполне устраивал матриархат. Фредди никогда не принуждали пойти по стопам отца и стать клерком, впрочем, когда мать предложила ему обдумать поступление на юридический, эта идея тоже оставила его равнодушным.

Следуя своему стилю, Булсара не так много возились с детьми, о чем Фредди говорил своим любовникам Барбаре Валентин и Джиму Хаттону. Когда семья еще жила на Занзибаре, детей круглый день опекала нянька, Сабайн. Так что хотя ни Фредди, ни Кашмиру никогда не шлепали, обнимали их тоже нечасто. Джим пишет, что Фредди «время от времени пытался проанализировать, в какой момент раннего детства с ним случился, как говорят психологи, дефицит внимания, который привел во взрослом возрасте к заикливости на физической стороне отношений. Чаще всего речь шла об одноразовом бессмысленном сексе, который никогда не заменял то, в чем Фредди действительно нуждался, – физического контакта, помноженного на эмоциональную связь. В этом он был абсолютным ребенком. Взять хотя бы его кошек – он все время тискал и гладил их и такого же отношения к себе ждал от любимых».

14 февраля 1955 года, согласно официальной записи в школьном архиве, Фредди – тогда еще Фаррух Боми Булсара – был официально зачислен в английскую школу при церкви святого Питера в Панчгани. Его имя записали как Farookh (в свидетельстве о рождении значилось Farrokh) и зачислили в третий класс. Он провел здесь следующие десять лет жизни, встречаясь с семьей лишь раз в году, на месяц-два во время летних каникул. Не приходится удивляться, что у него сложились достаточно прохладные отношения с родителями. Это можно заключить из уважительных, но сухих писем, которые он отправлял из Индии. Фредди не полагалось выражать своих чувств, но можно себе представить, каким стрессом для избалованного и чувствительного ребенка стал отрыв от семьи, а в то время даже телефонные звонки были невозможны.

– Ему исполнилось шесть, когда я родилась, так что вместе мы жили всего год, но я выросла, зная, что нахожусь под защитой сильного старшего брата, – говорила сестра Фредди Кашмира в интервью Daily Mail в 2000-м.

– Он даже на каникулы приезжал не каждый раз – иногда оставался у сестры нашего отца в Бомбее или с сестрой нашей матери – кстати, именно она приучила его играть на фортепиано и рисовать. Он был талантлив во всем. Конечно, я страдала. Родители бережно хранили все его школьные ведомости.

Для восьмилетнего Фредди путешествие выдалось не из легких.

– С отцом они приплыли в Бомбей, и там сели на поезд до Пуны, – вспоминала тетка Фредди, Первиз. – Воистину изматывающее путешествие. Существовало регулярное сообщение между Занзибаром и Бомбеем, который уже тогда был самым перенаселенным, индустриальным и современным городом Индии, и наша семья регулярно им пользовалась – мы часто ездили к оставшимся в Индии родственникам. Фредди опекала Джер, сестра Боми, очень милая и умная леди, которая заботилась и о других детях своих братьев.

Типичный колониальный британский городок в 184 милях от Бомбея, Панчгани (Пять Холмов) славится причудливыми туземными постройками, британскими офисными зданиями и бескрайними клубничными полями. В свое время англичане заложили город как тихий курорт для санаторного отдыха. Даже сегодня это место сохранило свое обаяние: река Кришна с живописными берегами и кристально чистой водой, насыщенной железом, красная вулканическая порода и буйная растительность притягивают туристов. Чтобы отдохнуть от жары и духоты индийских равнин, они проделывают четырех- или пятичасовое путешествие из Бомбея. Некоторые идут дальше и отправляют детей учиться в престижные английские школы, по-прежнему существующие тут во множестве.

Школа св. Питера, в которой учился Фредди, – одна из них. Основанная в 1904-м, она по-прежнему хранит и приумножает традиционные ценности индийской культуры и культиви-

рует веротерпимость ко всем религиям – от католицизма до зороастризма. Девиз школы – *Ut Prosim* («Я приумножу»). На ее гербе, «символе веры и возрождения», изображен восстающий из пепла феникс, держащий в клюве ветку оливы, символизирующую примирение. Классный руководитель Фредди, мистер Освал Д. Бейсон, пришел в школу в 1947-м, в год, когда Индия получила независимость, и оставался на своем посту вплоть до 1974-го, когда Queen уже штурмовали хит-парады. Хотя школа не стремится афишировать свои связи с рок-н-роллом, любопытным тут, как правило, не отказывают. Помимо Фредди в школе учился Рави Пунджаби, известный филантроп и бизнесмен, и Виктори Рана, ставший потом знаменитым непальским генералом.

Когда Фредди прибыл в прекрасно обустроенный кампус, раскинувшийся на пятидесяти восьми акрах, по зороастрийским законам он уже считался взрослым мужчиной. В восемь лет он прошел обряд конфирмации Наоджоте (известной также как Навджот), предусмотренный как для мальчиков, так и для девочек. Обряд чем-то схож с еврейским ритуалом для мальчиков Бар-Мицва. Юных зороастрийцев омывают в ритуальной ванне, призванной смыть грехи с тела и разума, они надевают церемониальную белую рубашку и шерстяную веревку и поют древние молитвы над пламенем (которое тоже считается священным). Огонь занимает центральное место в зороастрийской традиции. Есть храмы, пламя в которых поддерживается, по легендам, тысячи лет. Зенд-Авеста, священная книга зороастрийцев, не содержит определенного списка заповедей, заменяя их лаконичной формулой «Трех Благих Вещей» – «Хумата, Хухта, Хваршта» – «благие мысли, благие слова, благие поступки».

В 50-х школа св. Питера считалась лучшим учебным заведением в Панчгани. Обучение там полностью соответствовало стандартам британского образования, выпускники школы нередко поступали затем в Кембридж. В школу отправляли детей из США, Канады, стран Залива и со всей Индии. Учебный год длился с середины июня по середину апреля. С учетом особенностей индийского климата восьминедельные каникулы приходились на конец весны, и еще четыре свободных дня выпадали ученикам на Рождество. Дисциплина в школе была суровой, условия – спартанскими. Горячая вода подавалась дважды в неделю на несколько часов, в остальное время из кранов текла ледяная. Санитарные дела находились в ведении матушки местного монастыря, которая также ведала медициной, устраивая при необходимости лазарет силами сиделки и приходящего врача. В школе располагалась своя церковь, и, хотя ученики принадлежали к разным религиям, воскресная месса была обязательна для всех. Покидать территорию кампуса воспитанникам разрешалось только в сопровождении персонала. Несмотря на все строгости, школа св. Питера славилась теплой, почти семейной атмосферой, а педагоги заботливо взращивали своих подопечных, стремясь разглядеть их таланты и помочь им раскрыться. Какие бы эмоции не посещали Фредди в годы учебы, он признавал, что чувствовал исключительность своего положения и знал, на какие жертвы пошли родители ради образования сына.

Дело было не только в тяжелых расходах на оплату школы, хотя и в них тоже – Боми был скромным клерком, и лишних денег оставалось немного. Еще труднее для Боми и Джер оказалось отпустить единственного сына, а его сестре – остаться без брата.

Радости привилегированного положения едва ли могли компенсировать стресс, которому подвергся наследник рода Булсара. Для избалованного ребенка, привязанного к матери и новорожденной сестренке, переезд за тысячи миль к незнакомым людям, где никто не расскажет сказку на ночь и некому довериться, – стресс разрушительной силы. Близкие друзья Фредди вспоминали, что в нем навсегда засела обида на родителей, «отправивших его куда подальше», притом что он никогда не давал повода родителям усомниться в своей любви и почтении. Он определенно сделал все от него зависящее, чтобы преодолеть то давнее чувство отверженности.

Джер и Боми считали, что действуют в интересах сына. Они постарались обеспечить ему наилучшие стартовые условия в жизни, отказывая себе во всем. И все-таки их решение отпра-

вить в другую страну такого застенчивого и чувствительного мальчика, как Фредди, в итоге оказалось большой ошибкой. В зависимости от своей психической организации дети по-разному переносят долгую разлуку с родными. Для Фредди, с его тонкой и сентиментальной психикой, испытание оказалось не под силу, особенно в первое время. Как, должно быть, он плакал ночами на своей узкой койке, посреди девятнадцати других мальчиков, спавших в общей спальне. Он был лишен любви и ласки в самые важные для последующего развития годы, и его взгляды и привычки неизбежно сформировались под влиянием этого стресса.

Фредди искал утешения в обществе похожих на него детей. Помимо Виктори Рамы он подружился с Дерриком Браншем, который позже уехал в Австралию и сделал там карьеру актера. В 1985-м, в тот самый год, когда Фредди поставил на уши Live Aid, Бранш сыграл в фильме «Моя прекрасная прачечная», остросоциальной комедии, в которой снимался с ним Дэниел Дэй-Льюис. Сюжет ленты вращался вокруг таких щекотливых тем, как расизм и гомосексуализм.

А близкий круг Фредди входил и Фаранг Ирани, ставший позже крупным бомбейским ресторатором, а также Брюс Мюррей, работавший впоследствии на лондонском вокзале «Виктория». Все школьные годы пятеро ребят были неразлучны, спали на соседних кроватях и сообща отражали натиск других мальчишеских группировок. Каникулы Фредди чаще всего проводил с теткой по отцовской линии, Джер, либо с Шеру, сестрой матери, так что родителей за годы обучения видел всего несколько раз.

– От нас требовали строго исполнения всех указаний, надзор был очень суровым, – вспоминал Фредди многие годы спустя. – Я приучился следить за собой, взросление шло очень быстро.

Так сложилась личность Фредди, оставшаяся неизменной до самого конца.

Фредди определенно пришлось нелегко. Домашний мальчик был вынужден собрать волю в кулак и противостоять школьным задирам. Одним из следствий оказалась смена имени. Его настоящее имя, Фаррух, читалось еще и на персидский манер – Фрауч, и на африканский – Фаррук. Возникала путаница, и так Фредди стал Фредди. Имя прижилось, даже Боми и Джер пользовались только им. Фамилию Фредди поменял намного позже и по совершенно другим причинам.

Примерно в десять лет в характере Фредди появилась та холодная, почти высокомерная черта, которая сопровождала его всю дальнейшую жизнь. Впрочем, желчный и язвительный подчас, он никогда не был злым.

Просто он не родился командным игроком. В спорте его привлекали только одиночные виды – от спринта и бокса до шахмат и настольного тенниса. Ему еще не исполнилось одиннадцати, когда он стал школьным чемпионом по настольному теннису. Регби и футбол пришлось ему не по душе, в отличие от крикета, любовь к которому он позже отрицал. Может, опасался, что эту игру сочтут неподобающей величественному рок-кумиру? В 1958-м, прямо перед тем как ему исполнилось двенадцать лет, Фредди получил награду за отличную успеваемость, а на следующий год стал первым по баллам на своем академическом потоке, что тоже отметили призом. Он сыграл несколько главных ролей в пьесах школьного театра и спел в опере «Зов индийской любви». Любимым предметом Фредди было, конечно, искусство, а большую часть свободного времени он проводил, рисуя наброски и акварели, которые потом осели у его бомбейской тетки Джер, у бабушки и деда.

В конце 50-х и начале 60-х Бомбей все еще сохранял славу места, где Восток встречается с Западом, и это, помимо прочего, означало, что рок-музыка проникла туда раньше, чем в остальную Индию. Фредди обожал классику и особенно оперу, но современная музыка взволновала его куда сильнее. В качестве музыкального инструмента в школе он выбрал фортепиано, отлично сдал экзамены по теории и практике и записался заодно в местный хор. Со своими близкими друзьями Фредди собрал первую группу, The Nectics. Фредди выделял на рояле

сумасшедшие буги-вуги, и вскоре его имя оказалось у всех на устах. The Hectics каждый год выступали на школьном фестивале, девушки из соседних школ забивали первые ряды и орали во все горло – уже знали, что именно так полагается вести себя на рок-концертах. В те годы в умах молодежи царили Элвис Пресли, Фэтс Домино и Литл Ричард, и Фредди черпал вдохновение в их песнях, репетируя без усталости, чтобы ни в чем им не уступать. Он пока еще не рвался на первые роли, уступив центральную позицию своему другу Брюсу Мюррею, который играл на гитаре и пел.

– Еще в школе был хор, они разучивали классические произведения и религиозные гимны и регулярно пели в школьной церкви, – вспоминал школьный друг Фредди и участник The Hectics Деррик Бранш.

– В хоре занималось двадцать пять детей – не только наши мальчики, но и девочки из дружественной соседней школы. Фредди нравилось петь в хоре, но еще больше ему нравилась одна из девушек, ей было уже пятнадцать. Ее звали Гита Баруха, если я не ошибаюсь.

Много раз писали, что сексуальная жизнь Фредди началась в школе св. Питера в четырнадцать лет, с другими мальчиками и даже некоторыми сотрудниками школы. Но первая девушка Фредди серьезно в этом сомневается.

– Мне никогда в голову не приходило, что Баки может оказаться геем, – сказала мне Гита. – Ни на минуту. Он не давал ни малейшего повода. Возможно, о чем-то догадывались учителя, но не мы, его друзья. Он был такой яркий, на сцене все смотрели только на него. А, кстати, в пьесах он всегда выбирал женские роли!

Гита вышла замуж, сменила фамилию и переехала во Франкфурт, где работает в индийском туристическом агентстве, так что отыскать ее оказалось совсем нелегко. Поначалу она отказывалась говорить о Фредди. Наконец мы встретились в Лондоне.

– Я познакомилась с Фредди в 1955-м, когда поступила в школу Кимминса в Панчгани, – рассказала она, – ей управляли протестантские миссионеры из Англии. Большую часть тех десяти лет, что Фредди провел в Панчи, мы дружили. Я родилась в Бомбее, а в Панчгани жили бабушка и дедушка. Я выросла у них, в школу ходила только днем. Познакомились мы в младших классах – первые годы мальчики из св. Питера учились вместе с девочками из школы Кимминса. Фредди мы звали тогда Баки и дразнили за его выступающие зубы. Еще в нашей компании были Виктори Рама и Деррик Бранш. Мы вместе прошли через все школьные годы.

– С Баки мы общались особенно тесно, но всегда в рамках дружбы. Максимум – он мог подержать меня за руку. Мы любили взять велосипеды, их сдавали по три рупии в день, и гонять по округе. Катались на лодке по озеру Махаблешвар. Мама иногда разрешала устроить вечеринку или пригласить друзей на ланч, после которого мы убегали гулять или играть. Баки часто оставался у нас на выходные. Его отличали прекрасные манеры и безупречное воспитание. Мама и папа обожали его.

Джанет Смит, школьная учительница из Панчгани, жила в школе св. Питера в годы учебы Фредди, ее мать преподавала там искусство. Джанет говорила, что никогда не сомневалась в гомосексуальности Фредди.

– Он постоянно вставлял в речь слово «дорогуша», что вообще-то не было тогда общепринятым. То, что он гей, я поняла, едва его увидев. Его поведение было немыслимым для парня в те годы, но Фредди оно сходило с рук благодаря его обаянию. И речь не о минутной причуде, а об обычном для Фредди стиле. Я всегда расстраивалась, когда другие мальчишки смеялись над ним, но ему самому, как ни странно, все было нипочем.

Хотя в школе Фредди и Гита слыли парочкой не разлей вода, их связь оборвалась, когда Фредди покинул Панчгани.

– Я погрустила, но что поделать, что есть, то есть. Думаю, он хотел обрубить все прошлые связи и начать новую жизнь, никак не связанную с Индией.

В десятом классе оценки Фредди стали ухудшаться. Он завалил годовичные экзамены и не остался в школе на одиннадцатый, последний год обучения. Фредди так никогда и не сдал выпускные экзамены на аттестат зрелости. Возможно, ему вскружили голову бушующие гормоны, а может, так сказался усиливающийся интерес к рок-музыке, но Фредди уже не видел смысла в школьных занятиях – у него появились задачи посерьезнее. Многие биографии утверждают, будто Фредди покинул школу св. Питера с аттестатом, в котором красовались отличные оценки по истории, английскому и искусству, но в действительности это не так. Возможно, свою роль в возникшей путанице сыграла необычайная для рок-музыкантов образованность остальных участников Queen. Брайан Мэй учился в Императорском колледже Лондона и закончил его в звании бакалавра физики. 30 лет спустя он дописал и защитил докторскую диссертацию по астрофизике. Джон Дикон получил научную степень по электронике в колледже Челси (теперь – часть Лондонского Королевского колледжа), а Роджер Тейлор изучал стоматологию в Лондонском медицинском колледже, пока не забросил его ради музыки.

– Фредди не хотелось выглядеть тугодумом на фоне остальных участников Queen, добившихся кое-чего и в науке, – говорил Джим Дженкинс, официальный биограф группы, – возможно, поэтому он и наплел журналистам, что сдал выпускные экзамены, хотя в то время, когда их принимали, он уже бросил школу. Его можно понять.

Я связалась с теткой Фредди по материнской линии, Шеру Хору. Дозвонилась в ее квартиру в бомбейском районе Дадар-Парси, в котором парсы обитают столетиями. В 1995-м Бомбей переименовали в Мумбаи – старое название, по мнению индийского государства, напоминало о колониальном периоде.

– Даже когда Фредди останавливался у другой своей тети, Джер, всегда прибегал ко мне после завтрака, и мы проводили вместе целые дни. Он неплохо рисовал, и я убеждала его не останавливаться на достигнутом. В восемь лет, помню, он нарисовал прелестную картинку – две лошади на фоне бури, – подписанную «Фаррух». Когда-то она висела в спальне моей матери, но не поручусь, что она до сих пор там.

Стоило Фредди впервые попасть в Англию, обратно его оказалось уже не выманить.

– Так все и кончилось. Он наотрез отказался возвращаться в Индию. Называл себя британцем, цивилизованная жизнь приводила его в восторг, особенно нравилась четкость правовой системы – по сравнению с коррумпированным болотом Индии. Но мы остались на связи. Он даже прислал мне однажды отчаянно нужные деньги на глазную операцию и все собирался взять меня с собой в Европу. Никогда не забывал свою старую тетушку.

Несколько лет спустя, как рассказала Шеру, она вступила в регулярную переписку с бывшей девушкой своего племянника, Мэри Остин. Женщины обменивались фотографиями Фредди-мальчика и Фредди-рок-звезды. Мэри вскользь упомянула, что у Фредди в Англии были враги и она опасается за его жизнь. Разговоры о религии, предупредила Шеру, только расстраивают ее, особенно после того, как был пущен слух, будто Фредди перешел в христианство незадолго до смерти.

– Это известие ошеломило всю семью, – говорила Шеру, – ужасный удар. Даже среди всей той лжи и ведер помоев, что вылили на Фредди, ложь о том, что он принял христианство, заметно выделялась. Я никогда ничего не слышала об этом, а уж мне-то он должен был сказать.

В 1963-м Фредди вернулся на Занзибар (хотя ряд источников ошибочно утверждают обратное) и закончил два остававшихся ему класса в Римско-католической школе св. Иосифа. Бонзо Фернандес, бывший полицейский с Занзибара, теперь работающий водителем такси, знал Фредди в те годы.

– Помню его необычайно теплые и почтительные отношения с семьей и младшей сестрой. Фредди дали отличное воспитание. Вся его семья производила впечатление добрых, отзывчивых людей. Мы играли вместе в хоккей и крикет. Крикет ему особенно удавался, – вспоминал он. – Я знал, что он сбежал из какой-то школы в Индии, но Фредди никогда не говорил об этом.

Иногда после уроков мы выпрыгивали из школьных окон и бежали на море купаться – Фредди обожал это дело. Мы облюбовали прекрасный чистый пляж у Старх-Клуба, что на улице Шангани. На велосипедах доезжали до Фумбы на юге и Мунгапвани на северо-западе, где старые невольничьи рудники, добирались и до Чваки на юго-восточном берегу. Иногда вдвоем, иногда компанией. Плавали, ели фастфуд, карабкались по кокосовым пальмам. Могли похулиганить, но безобидно. Ни алкоголя, ни сигарет, ни наркоты мы не знали, не то, что нынешняя молодежь. Помню его как сейчас, стройного и жизнерадостного, в синих шортах и белой рубашке. Он всегда одевался со вкусом, в особенности для крикета. Его белые майки и рубашки всегда оказывались чуть белее, чем у остальных. После революции мы все разъехались. Я не знал, где Фредди, что с ним. Только потом выяснилось, что мы жили в Англии в одно время. Только после его смерти я узнал, что бывший одноклассник и близкий приятель стал всемирно известной рок-звездой.

Схожую историю мне уже рассказала Гита Чокси.

– Много лет спустя я наконец узнала, кем он стал, купила несколько пластинок и пришла в совершенный восторг от его музыки, – сказала она. – Попасть на его концерт так и не удалось, никогда не перестану об этом жалеть. Впрочем, один из наших школьных знакомых как-то пошел на концерт Queen, а потом отыскал Баки за кулисами. Но Фредди просто посмотрел сквозь него и сказал: «Простите, боюсь, я и понятия не имею, кто вы такой».

– Мы отлично понимали, что он не хочет больше иметь с нами ничего общего. Мы остались в прошлом, которое он отрезал.

4. Лондон

Я – городской житель. Во всем этом свежем деревенском воздухе и коровьем навозе для меня нет ничего привлекательного.

Фредди Меркьюри

Многих Лондон привлекает в первую очередь своей анонимностью. Тут можно затеряться в толпе, можно встретить похожих на тебя чудаков, кем бы ты ни был, – людей скопилось критическая масса. В те годы Лондон бурлил. По сравнению с ним для людей типа Фредди Занзибар должен был казаться чем-то вроде тюрьмы.

– Космо Холлстром, практикующий психолог

В 50-е годы продолжался резкий всплеск антиколониального протеста против британского правления, начавшийся немногим ранее. Потеря Британией Пакистана и Индии в 1947-м, независимость Бирмы и Шри-Ланки в 1948-м и революция в Китае в 1949-м весьма ободряюще подействовали на националистские движения в Северной, Северо-Восточной и Восточной Африке. Занзибарская Национальная партия, основанная арабским меньшинством и выходцами из племени Ширази, превратилась в Ширази-африканскую партию, главную роль в которой играли африканцы. Экономические трудности, связанные с беспорядками, нарастали, а забастовки нанесли серьезный урон многим отраслям местного хозяйства. Результаты выборов, согласно которым полноту власти получали проарабские лидеры, и совпавший с ними неурожай гвоздики и кокоса стали основными причинами бунта. Занзибар получил независимость еще в 1963-м, но черное большинство, непропорционально представленное в органах власти, чувствовало себя обманутым, что и привело в итоге к радикально-правому военному перевороту. Кровавая занзибарская революция 1964 года низложила нового султана Ямшида бин Абдуллу и вознесла шейха Абейд Амани Каруме, лидера Ширази-африканской партии, на пост президента Занзибара. Тысячи людей погибли в кровопролитных беспорядках, и семья Булсара, как многие другие, бежали с острова, спасая свои жизни. Прихватив лишь самое необходимое, семья Фредди отправилась в Англию, где местные родственники обещали их приютить. Назад они никогда не вернулись.

– На этом наши отношения прервались навсегда, – вспоминала двоюродная сестра Фредди Первиз. – Когда много позже я узнала, что Фредди стал знаменитым музыкантом, меня охватила радость и гордость – в нашей семье есть гений! Мы все очень гордимся им. Но Фредди никогда не делал попытки связаться с кем-нибудь из нас. Даже кассеты ни разу не прислал.

Вскоре после революции Занзибар заключил союз с Танганьикой, и в апреле 1964-го объявили о создании Объединенной Республики Танзания. Сегодня Занзибар населяют приветливые, спокойные и терпимые люди – если, конечно, речь не касается гомосексуализма.

Семья Булсара оказалась не готова к культурному шоку, который обрушился на них по прибытии в Фелтэм, заштатный городишко в тринадцати милях к юго-западу от Лондона, недалеко от аэропорта Хитроу.

– У отца был британский паспорт, – вспоминала Кашмира, – так что самым естественным для нас казалось искать убежища в Англии.

– Фредди не терпелось переехать, – вспоминала его мать, Джер. – «Англия – то самое место, что нам нужно, мам!» – говорил он мне. Но поначалу нам пришлось нелегко.

Скучный, бесцветный пригород с ровными рядами домов, не говоря уже о холодном климате, казался полной противоположностью Занзибара и Бомбея. В Лондоне семья оказалась без слуг, без заработка, дома и положения в обществе. Несмотря на стаж британского государ-

ственного служащего, снова устроиться на службу Боми не удавалось. С большим трудом он нашел место бухгалтера в ресторанной компании, а мать Фредди устроилась продавщицей в магазин одежды. Даже после того как Фредди прославился, его матери какое-то время приходилось работать.

– Мы вдруг стали белыми воронами – все сразу обращали на нас внимание, тогда в Англии еще не жило столько цветных, – вспоминала Кашмира, которой тогда едва исполнилось двенадцать.

– К своему внешнему виду Фредди относился предельно серьезно. Всегда опрятный и нарядный, он был аккуратно причесан, в то время как все парни ходили тогда нечесаными и растрепанными. Я старалась идти позади него, чтобы никто не подумал, что мы вместе. Впрочем, на следующей неделе он мог запросто сменить имидж. Он крутился перед зеркалом целыми часами.

В восемнадцать Фредди оказался в довольно затруднительном положении. Ему не терпелось расправить крылья. Но финансово он по-прежнему зависел от родителей и продолжал жить с ними. Он уже мог оценить весь спектр возможностей, которые предоставляла столица, но ему все еще приходилось играть по старым правилам.

– Люди из небольших городов едва ли способны принять что-то, отличающееся от того, к чему они привыкли, – говорил Джеймис Саэз, продюсер, мультиинструменталист и бывший инженер студии Plant, что в Лос-Анджелесе. – Фредди очень повезло, что он вырвался в Лондон.

В его годы многие молодые люди уже работали и вели независимую от семьи жизнь, но родители Фредди настаивали, что он должен продолжить образование. О юриспруденции и бухгалтерском деле не могло идти и речи – Фредди, по его собственному признанию, не считал себя достаточно умным для таких профессий. Вместо этого решили, что ему следует развивать артистические таланты, и в 1964-м Фредди поступил в колледж Айлворт, где в 1966-м сдал выпускные экзамены по искусству на высший балл. Той же осенью он начал учиться в художественном колледже Илинг, на курсе графического дизайна и иллюстрации. Он получил диплом летом 1969-го, в двадцать три года. Диплом не соответствовал никакой академической степени, и в дальнейшем Фредди было нелегко тягаться со своими блестяще образованными коллегами по группе.

– Я пошел в художественный колледж, чтобы получить диплом иллюстратора и работать по специальности, – вспоминал Фредди, – меня привлекала возможность работать на самого себя, по собственному расписанию.

– Фредди много тусовался и часто ночевал не дома, – вспоминала Кашмира, – из-за этого они постоянно препирались с мамой. Она во что бы то ни стало хотела, чтобы он получил диплом, и очень беспокоилась по этому поводу, а Фредди не собирался уступать ни пяди своего личного пространства. Двери так и хлопали. Но зато потом мама могла гордиться им.

– Мы толком познакомились только в это время, – вспоминала Кашмира, – он помогал мне с домашними заданиями, а я позировала для его рисунков.

Во время каникул Фредди подрабатывал официантом в одном из кафе аэропорта Хитроу, в другой раз устроился грузчиком на склад компании, где работал отец. Отвечая на насмешки коллег, высмеивавших его холеные руки и театральные манеры, Фредди объяснял, что он на самом деле музыкант, которому просто пришлось пойти подзаработать.

Лондон, мекка молодежной культуры, переживал в те годы пору бурного расцвета. Поп-музыка была на пике моды, рок-н-рольные клубы потихоньку перепрофилировались в дискотеки. The Beatles оставались самой популярной группой, к ним с разной степенью успеха подтягивались The Rolling Stones, The Animals, Manfred Mann и Джорджи Фэймю. Том Джонс, удачливый поп-дебютант из Уэльса, звучал из каждого радиоприемника. Сэнди Шоу и Петула Кларк считались самыми популярными поп-певицами, хотя недавняя мода на фолк все еще

напоминала о себе. Джоан Баэз и Боб Дилан записывали резкие политические памфлеты по поводу войны во Вьетнаме. Британский фолк-певец Донован стал близким другом Дилана. Элвис Пресли, Peter, Paul & Mary, The Righteous Brothers, Сонни и Шер и другие американцы тоже присутствовали в британском чарте. Телевидение было на взлете, самые высокие рейтинги из поп-программ собирало шоу Кэти Макгован «Ready, Steady, Go!»

Мода процветала. Мэри Кант и Анжела Кэш задавали тон среди дизайнеров, а Джона Стивена тогда называли «королем Карнаби-стрит», улицы самых стильных магазинов в Лондоне. Молодежная мода впервые заявила о себе в полный голос. The Who сделали трендом футболки с расплывающимися узорами, вызывающими оптические иллюзии. Джон Леннон использовал те же узоры, но не на майке, а на твидовой шляпе, а Дейв Кларк из группы The Dave Clark Five и близкий друг Фредди в недалеком будущем, ввел в моду белые джинсы. Поджарый и стройный Фредди носит облегающие брюки из мятого бархата на шнуровке. Кожаные и замшевые куртки, сатиновые и шелковые рубашки с цветочным орнаментом и ботинки до середины голени довершали образ.

Жизнь в самом свободном и будоражащем городе мира все меньше сочеталась для Фредди с патриархальным бытом его семьи. Очень скоро привычным местом ночевки для него стали полы в квартирах живших в центре друзей.

– Фред жил как цыган, – вспоминал позже Брайан Мэй.

Фредди такая ситуация вполне устраивала – прямо за порогом начинались модные бутики, магазины пластинок, книжные лавки и музыкальные клубы, пабы и кафе – все то, что он обожал. Модный рынок в районе Кенсингтон и легендарный магазин Biba – именно здесь Фредди проводил большую часть свободного времени.

Колледж Илинг, где он учился, гордится еще ни одним знаменитым выпускником – его закончили, например, Пит Таусенд из The Who и Ронни Вуд, игравший потом в The Faces и The Rolling Stones. Бывший студент колледжа Джерри Хибберт вспоминал альма-матер как место прогрессивное и практичное одновременно – выпускники могли рассчитывать на работу после получения диплома. Попавший сюда из Оксфорда, Хибберт поступил в колледж на два года позже Фредди. Они познакомились на почве общих музыкальных интересов.

– Колледж в те годы стремительно менялся, – вспоминал Джерри.

– Мэдисон-Авеню в Нью-Йорке – вот на что все ориентировались тогда в одежде и стиле жизни. Мы же хотели выглядеть как воротилы рекламного рынка. Вокруг шатались хиппи, а мы одевались в костюмы и галстуки – арт-студенты не могут позволить себе выглядеть как все. Мы даже отрабатывали специальную неанглийскую походку, чтобы нас не путали с обычной британской молодежью, играющей в регби и дующей пиво. Ресторан при колледже служил нам клубом и культурным центром. Фредди – тогда еще Фредди Булсара – болтался вместе с нами. Одевался всегда безупречно и очень продуманно.

– В арт-колледжах учат понимать закономерности моды, – заметил позже Фредди, – и всегда опережать ее на шаг.

Не очень заинтересованный предметами, лишенный прилежания и дисциплины, Фредди быстро потерял интерес к занятиям. Гораздо сильнее его увлекали другие, более гедонистические аспекты студенческой жизни. На занятиях по рисованию он писал портреты одноклассников или раз за разом изображал своего кумира Джими Хендрикса. На этого афроамериканца из Сиэттла, старше Фредди всего на четыре года, однажды случайно наткнулся Чэс Чанлдер, басист The Animals. Он убедил друзей – The Beatles, Пита Таусенда и Эрика Клептона – посмотреть на выступления своего талантливого протеже, организованные в закрытых частных клубах, и вскоре добился своего – о группе Хендрикса заговорили везде. В трио входили также барабанщик Митч Митчелл и басист Ноэль Реддинг. Гениальный новичок с легкостью обставил всех маститых предшественников. На своем белом Fender Stratocaster он выделял фокусы, поражавшие воображение, – играл, перевернув гитару вверх ногами, подняв над голо-

вой, даже при помощи зубов. Многие из последователей Хендрикса превзошли его в экстравагантности, но мало кто приблизился к его мастерству.

– Джими Хендрикс был совершенен – искрометный шоумен и талантливый музыкант, – говорил Фредди позже.

– Мне ничего не стоило проехать через всю страну, только чтобы попасть на его концерт. Прирожденная звезда, он никогда не напрягался и ничего не форсировал. Стоило ему выйти на сцену, и по аудитории бежал ток. Он стал моим идеалом, я мечтал стать таким, как он.

Так амбиции Фредди окончательно сформировались. Он по-прежнему поклонялся кумирам своего отрочества – Клиффу Ричардсу, Элвису Пресли, Литтл Ричарду и Фэтс Домино, – но теперь решил, что непременно станет новым Хендриком. И действительно, если американец расширил представления современников о возможностях гитары, то Фредди сделал то же самое с идеей поп-песни, превратив ее в мини-симфонию. Хендрикс сводил публику с ума одним своим присутствием, и Фредди мечтал получить ту же власть. Хендрикс создал собственный стиль, такой музыки раньше не делал никто, а на его концертах выплескивалось столько энергии, что слушатели порой валились с ног от усталости. Фредди решил, что именно такого эффекта он будет добиваться и на своих выступлениях. Хендрикс мог взять любую песню, пусть даже самую затасканную, и заставить ее звучать как свое собственное уникальное произведение. В Будапеште в 1986-м я лично наблюдала, как тот же трюк провернул и Фредди – тысячи людей рыдали, когда он пел венгерскую народную балладу, совсем простую. Листик с иностранным текстом, который Фредди держал в руках, был для него сущей абракадаброй, а мелодия не имела ничего общего с рок-музыкой. Но Фредди пел так, как он умел, самым своим сердцем, и плачущие люди верили ему.

Тускло-желтые стены квартиры, которую Фредди снял в Кингстоне, покрывали плакаты с изображением кумира, а сам Фредди применил весь свой вкус и изысканность, копируя стиль Хендрикса. Куртки кричащих цветов поверх черных или разноцветных сорочек, узкие цветные брюки, ботинки Chelsea, воротник с оборками до самого подбородка, массивные серебряные перстни.

– В то время многие так одевались, – вспоминал однокурсник Фредди Грэхэм Роуз, – Фредди не так уже выделялся. Скорее, он был застенчив – смеясь, прикрывал рукой рот, видимо, комплексовал из-за выступающей верхней челюсти. Мне он запомнился отличным парнем, очень добродушным и терпимым. Ничего отталкивающего. Мы от всей души радовались за него, когда он пошел вверх.

Джерри Хибберт подтверждает, что Фредди никак не выделялся среди студентов колледжа.

– Разве что страсть к пению отличала его. Мы занимались в соседних аудиториях, он учился на год или два старше. И часто мне доводилось слышать, как Фредди распевался за стеной. Они сидели там вместе с его приятелем Тимом Стаффелом и учились петь в гармонии. Это казалось очень странным – тогда в богемных кругах все повально увлекались блюзом. Джоном Мэйоллом и Эриком Клэптоном, еще до присоединения к Cream. Мы вникали в тончайшие нюансы – например, нам уже не хотелось слушать соло Клэптона в «Hideaway», было интереснее услышать, как его сыграет Фредди Кинг. Фредди Булсара увлекался блюзом, как и мы все. Так что все эти распевки после занятий выглядели необычно. Никто не занимался ничем таким. Впрочем, Тима и Фредди это не волновало. Они упражнялись, и у них получалось все лучше.

– Я всегда считал музыку своей второй профессией, и ее роль мало-помалу росла, – вспоминал Фредди.

– Когда закончил учиться на иллюстратора, меня уже подташнивало от всего, что связано с учебой. Стало совершенно ясно, что я не сделаю карьеру в этой области, мои таланты при-

надлежат совсем другой сфере. И тогда я решил сосредоточиться на музыке. В конце концов, все вокруг мечтали стать звездами, почему бы и мне было не принять в этом участие?

Вспоминая Фредди, Джерри Хибберт опровергает мою теорию, что тот стремился всегда находиться в центре внимания.

– Напротив, он был предельно деликатен и ненавязчив. Я понятия не имел, что он гей – его ничто не выдавало. Тихий, дружелюбный, вежливый. Из тех безупречно воспитанных ребят, которых мамы ставят своим детям в пример. Иногда он изображал рокера и пел, потрясая невидимой микрофонной стойкой, но только шутки ради.

После окончания колледжа Фредди изменил своему обыкновению обрубать связи с товарищами по учебе. Дружба с Джерри продолжалась еще несколько лет.

– Нас связывала музыка, – объяснил Джерри, – я часто играл тогда блюз – в колледже, на вечеринках, у друзей. Фредди иногда присоединялся. Так и жили в те дни – проигрыватели и пластинки еще не стали обыкновением, и если вам нужна была музыка на вечеринке, ничего не оставалось, как пригласить группу.

Фредди признавался Джерри, что его сокровенная мечта – сделать музыкальную карьеру.

– Помню, когда мы уже закончили колледж, я еще пару лет играл в одной группе. Фредди однажды пришел и сказал, что хочет собрать собственную команду. Я попытался отговорить его: «Старик, в этом бизнесе нет денег! Занимайся лучше графикой».

Но Фредди настоял на своем.

– Мы виделись потом еще несколько раз, по поводу то ли покупки, то ли продажи инструментов и оборудования. Он начал играть в колледжской группе Wreckage – признаться, так и не нашел времени их послушать. Потом наши связи оборвались.

Джерри увлекся мультипликацией, устроившись позже работать в команду, которая создала вместе с The Beatles легендарный Yellow Submarine.

– Я совсем потерял интерес к музыке, – признает он, – почти возненавидел ее. Никогда больше не покупал пластинок и не ходил на концерты. Спустя четыре года услышал, как на радио обсуждают некую группу Queen и их хит «Seven Seas Of Rhye». Помню, песня мне понравилась, но я и подумать не мог, что Фредди Меркьюри и мой приятель из Илинга Фредди Булсара – один человек. Все вокруг только и говорили, что о нем, пропустить взлет Фредди было невозможно. Вот и я однажды заметил на газетном стенде его фото на обложке Melody Maker. Огромное фото с крикливым заголовком. Я смотрел и думал: «Черт побери, это ж Фредди Булсара!»

Совершенно случайно, уже в самом конце жизни Фредди, Джерри работал в связанном с Queen арт-проекте. Но лично он уже никогда не встречался с приятелем своих студенческих лет.

5. Queen

Мысль собрать группу пришла мне в голову еще когда я учился в колледже. Брайан тогда тоже учился, и ему понравилась идея. Так что история Queen берет начало в группе под названием Smile, где тогда играл Брайан. Мне очень нравились Smile, я ходил на их концерты, и так мы подружались.

– Фредди Меркьюри

Надо понимать, что Фредди вырос абсолютным интровертом. Замкнутым мечтателем с выступающими зубами, пребывающим в мире своей фантазии. Классический гадкий утенок, который превратился в лебедя. Любая группа отдала бы басиста и ритм-секцию за такого вокалиста, как Фредди. Боуи – единственный, кого можно поставить рядом.

Дэвид Старк, музыкальный издатель (Songlink International)

К вокальным репетициям Тима и Фредди вскоре присоединился третий участник – Найджел Фостер, еще один студент. Большую часть времени они оттачивали исполнение «Hey Joe», «Purple Haze» и «The Wind Cries Mary» – хитов Джими Хендрикса, прорвавшихся в британский ТОП-10. Ребята просто развлекались в свое удовольствие, но именно эта забава в какой-то момент привлекла к ним внимание других парней, которые в скором будущем составят Queen.

Тогда Фредди и Тим были неразлучны. Тим, как и остальные ребята из колледжа, имел самое туманное представление о прошлом Фредди и обстоятельствах, которые привели его семью в Англию. Он никогда не приглашал друзей домой, создав впечатление, что его родители – не очень-то гостеприимные люди, испытывающие определенные сложности с адаптацией. Поговаривали, что они с трудом говорят на английском и больше всего озабочены сохранением своих обычаев, традиций и языка. В действительности же Фредди говорил на английском с младенчества.

В то время Тим играл в полупрофессиональной группе Smile. Фредди часто увязывался с ним вместе на репетиции. На гитаре в Smile играл долговязый Брайан Мэй, изучавший физику, математику и астрономию в престижном Имперском колледже. Случайно выяснилось, что Брайан вырос в том же пригороде Лондона, где обосновались Булсара. Взросление Брайана прошло в скромном доме в паре кварталов от квартиры Булсара на улице Гладстон в Фелтэме. Брайан, застенчивый единственный ребенок в семье, начал играть на гитаре в шесть лет. Еще в школе, с помощью своего отца Гарольда, Брайан изготовил свою собственную гитару – «Red Special». Материалом послужила столешница, укрепленная над камином, и дубовые дощечки. Вместо медиатора он использовал мелкие монетки. Впоследствии именно эта гитара, «Red Special», прославила Брайана на весь мир.

Брайану, как и Фредди, порядком поднадоели самодеятельные рок-группы.

– Ни одна из этих команд ничего не добилась, и этому не приходится удивляться – мы никогда не давали полноценных концертов, а многие вообще не воспринимали это дело всерьез, – вспоминал потом Брайан.

Как-то на танцах Брайан и его друзья повстречали Тима Стаффела, учившегося когда-то в их школе. Они предложили ему петь в их группе, которая тогда называлась «1984». Первое выступление группы состоялось в зале церкви св. Марии в Твикенхэме и оставило неплохое впечатление – в мае 1967-го группу пригласили разогревать публику перед концертом Джими Хендрикса в Имперском колледже, в котором учился Брайан. Несколько месяцев спустя группа

выиграла конкурс молодых артистов, проводившийся в клубе Croydon's. Казалось, у команды превосходные карьерные перспективы.

– «1984» была чисто любительской затеей, – вспоминал потом Брайан, – хотя в конце концов мы вышли на гонорар в 15 фунтов на каждого.

– Мы почти не исполняли своих песен – в основном кавер-версии хитов, которые хотела услышать публика. В то время The Rolling Stones круто пошли вверх, и мы играли их хиты, какие-то песни Yardbirds. Меня это никогда по-настоящему не устраивало. Хотелось делать собственную музыку.

Объявив группе, что учеба для него на первом месте, Брайан ушел, и вскоре «1984» распалась. Впрочем, Брайан и Тим Стаффел, который теперь учился в колледже Илинг вместе с Фредди, продолжали общаться. Тоскуя по музыке, вскоре они уже обсуждали создание новой группы. Вместе с Крисом Смитом, еще одним студентом Илинга, собрали команду, получившую название Smile. Стаффел пел и играл на бас-гитаре, Смит – на органе, гитарой заведовал Мэй, стало быть, оставалось только найти барабанщика.

По-младенчески белобрысый и голубоглазый Роджер Меддоуз-Тейлор казался слишком красивым для мужчины. Родившийся в Норфолке и выросший в Труро, юный сердцеед Тейлор уже составил себе репутацию отличного барабанщика, играя в корнуоллской группе Johnny Quale & The Reaction. Группа заняла четвертое место на локальном конкурсе и получила некоторую известность в Корнуолле, самом южном графстве Англии. Когда лидер группы, Джонни Куэйл, решил ее покинуть, обязанности вокалиста перешли к Роджеру Тейлору. Название команды укоротили до The Reaction, и группа продолжила выступать и репетировать собственный материал – преимущественно в жанре соул. Все изменилось, когда они впервые услышали Джими Хендрикса. Той осенью Роджер отправился в Лондон, изучать стоматологию. Он поселился в районе Шепердс-Буш, в квартире, снимаемой вскладчину еще с тремя студентами, среди которых был школьный товарищ Тейлора, Лес Браун. На год старше Роджера, Лес учился в Имперском колледже вместе с Брайаном. Мечта стать рок-звездой уже вполне овладела начинающим стоматологом, и, хотя обязательства связывали его с The Reaction (он еще сыграет с ними несколько раз летом 1968-го, на каникулах), Тейлору срочно требовалась новая группа. Кстати, несмотря на репутацию донжуана, Роджер был скромным и располагающим к себе парнем, душой компании. Итак, однажды Лес заметил в своем Имперском колледже бумажку на доске объявлений, в которой говорилось, что «группа ищет барабанщика, играющего в стиле Джинжера Бейкера или Митча Митчелла». Этим Брайан и Тим давали понять, что они «в теме» – группа Бейкера The Graham Bond Organisation в том сезоне была на пике моды. Музыканты из группы участвовали в студийных записях The Who, позже – Cream. Митч Митчелл барабанил у Джимми Хендрикса.

Брайан указал в объявлении свой номер. Роджер тут же позвонил ему. После короткого разговора Тим и Брайан уже ехали домой к Роджеру для пробной репетиции на бонгах и акустических гитарах. Барабанная установка Роджера тогда еще собирала пыль в его доме в Корнуолле. Вскоре троица уже репетировала в помещении джаз-клуба Имперского колледжа. Они играли не только кавер-версии любимых песен, Тим и Брайан приносили и свои композиции. Скорее жесткие, чем романтические, они носили отпечаток самых разных влияний – от баллад времен правления Елизаветы до тяжелого рока. The Smile отличали драматичные ударные, напористые гитарные партии, мощный вокал и интеллигентные гармонии. Звук группы поража́л многосложностью и богатством нюансов.

Так зарождался и формировался тот саунд, по которому Queen можно будет узнать с первых тактов.

– Я могу поставить вам записи Smile, которые структурно не отличаются от того, что мы делаем сегодня, – говорил Брайан в интервью в 1977-м.

Волшебная химия музыки Queen уже зарождалась, подпитываемая разноплановыми и блистательными талантами. Брайан, самый тихий и вежливый, был высок, худ и угловат. На сцене он неистово потрясал бедрами, затянутыми в бархатные брюки, а его длинные локоны спадали на лицо, от чего девчонки просто млели. Тим, энергичный и плотный, предпочитал драную джинсу и не стремился особо наряжаться. Тех же принципов держался и весельчак Крис, единственный участник группы, профессионально обучавшийся музыке с частным преподавателем. Голубоглазый красавчик Роджер двусмысленно заявлял, что он барабанщик не только по профессии, но и по самой своей природе. Группу переполняли энтузиазм и энергия, на репетициях царила веселая и позитивная атмосфера. Эти дни музыканты потом вспоминали как одни из самых счастливых и беззаботных в их жизни.

В октябре 1968 года Брайан получил степень бакалавра в Имперском колледже. По традиции дипломы вручала Ее Величество Королева-Мать в самом престижном зале Лондона, Роял Альберт-холле. Отлично успевающий в учебе, Брайан планировал продолжить учебу в колледже. В его планах значилась докторская диссертация, посвященная движению межгалактической пыли, а в перспективе он собирался стать астрономом. Впрочем, был и другой мотив – пока Брайан продолжал учиться в Имперском колледже, он и его друзья могли без ограничений пользоваться местной репетиционной базой. Тим Стаффел и Крис Смит продолжали учиться в Илинге, а вот Роджер вылетел из медицинского колледжа, не закончив и половину курса. Всего через два дня после того как Брайан получил степень, Smile играли перед Pink Floyd в знакомых стенах Имперского колледжа – это первый достоверно задокументированный концерт группы. Их заметили, и вскоре Smile получили предложения разогревать T. Rex, Yes и Family. В феврале 1969-го коллеги попросили Криса Смита покинуть группу (он утверждает, что решил уйти сам) по причине непреодолимых музыкальных разногласий. Через несколько дней после ухода Смита Smile впервые выступали в Роял Альберт-холле на благотворительном концерте. Шоу, весь доход от которого шел в пользу фондов, помогающим одиноким матерям, задумал и организовал легендарный диджей BBC, Джон Пил. Smile значились в программе вместе с Джо Кокером и Free. Брайан и Роджер едва ли могли тогда предполагать, что не пройдет и пары десятков лет, как они будут играть в одной группе с вокалистом Free Полом Роджерсом (который за эти годы успеет возглавить такие группы, как Bad Company, The Firm и Law), издадут диск «The Cosmos Rocks» (первую студийную запись Queen за пятнадцать лет), один концертный альбом и два концертных DVD.

В самом начале 1969 года Тим привел на репетицию Smile своего приятеля по колледжу, Фредди Булсара. Между молодыми людьми сразу же вспыхнула взаимная симпатия. Теперь Фредди уже не сомневался, что нашел себе занятие по душе, и совершенно совпадал в этом с Роджером и Брайаном, которые были покорены яркостью Фредди, его умом, энтузиазмом и острыми как бритва шуточками.

– Думаю, я за всю жизнь не встречал таких восторженных и увлекающихся людей, как Фредди, – вспоминал друг Роджера Лас Браун. – Если ему что-то нравилось, он прямо взвизывался. Помню, он силой затащил меня к себе, чтобы поставить понравившуюся ему пластинку, причем это был какой-то соул! В то время никто не признавался, что слушает соул, – крутым считался только рок.

Ставший частым гостем на концертах Smile, Фредди мало-помалу набирался смелости и стал давать своим приятелям мелкие советы по поводу стиля в одежде, потом начал комментировать их концерты и, наконец, в какой-то момент принялся объяснять им, как следует сидеть, стоять, ходить и говорить.

– Он подавал свои советы в такой тактичной форме, что обидеться или отказаться было невозможно, – вспоминал Брайан. – Тогда мы и не подозревали, что у Фредди отличный голос. Мы воспринимали его как еще одного рок-музыканта, с легким уклоном в театр.

Когда летом 1969-го Фредди закончил Илинг, у него не было постоянной работы, как и желания найти такую. Он и Роджер Тейлор (сокративший к тому времени вторую часть своей фамилии, Меддоуз) завели небольшой бизнес – им принадлежал стенд в трехэтажном торговом центре в Кенсингтоне. В пассаже, где располагалась лавка, продавали картины, антиквариат и необычные старые вещи, а продавцами работали весьма примечательные личности – безработные музыканты, артисты и художники. Среди их постоянных клиентов попадались такие звезды, как Майкл Кейн, Джули Кристи и Норман Уиздом. Для начала наши герои выставили на продажу работы Фредди – в основном, изображения Джими Хендрикса и картины других ребят из Илинга. Торговля шла неплохо. Продать удалось даже курсовую работу Фредди – доклад, посвященный Хендриксу. Сегодня за него выложили бы тысячи фунтов, но тогда денег хватало едва-едва. Оба заядлые любители наряжаться, Роджер и Фредди решили перейти на продажу модных аксессуаров. Вскоре на их стенде появилось все, что требуется настоящим фанатам моды, – от экзотических вуалей и кинжалов до шинелей и меховых боа. По большей части это был выловленный на распродажах ветхий и вульгарный мусор, выставленный по бесстыдно задраннным ценам. Так, купив за пятьдесят фунтов целый контейнер побитых молю шерстяных пальто на барахолке у вокзала Баттерси, они продавали их по восемь фунтов каждое.

«Мы с Роджером везде ходили вместе, кривлялись и паясничали, как могли, и вскоре все уже считали нас парочкой голубых», – писал Фредди своей подруге Селин Дейли тогда.

– Роджеру и Фредди нравилось ходить, нарядившись в пух и прах, а Фредди еще мог вдруг начать говорить очень манерно – у него страшно смешно это получалось. Но тогда никто не подозревал, что он на самом деле гей, он никогда не проявлял свою сексуальность.

Постепенно Фредди стал незаменимым участников Smile.

В апреле 1969 года группа играла в лондонском клубе Revolution, и на их концерт пришел глава европейского подразделения могущественного музыкального лейбла Mercury Records, Лу Райзнер. Тогда Лу уже подписал контракт с Дэвидом Боуи по продвижению его музыки в США, а чуть позже прославится как продюсер двух первых сольников Рода Стюарта. Его знают как продюсера оркестровой версии рок-оперы The Who *Tommy* и опуса Рика Уэйкмана *Journey To The Centre Of The Earth*. Уроженец Чикаго, сам в прошлом певец, Райзнер предложил Smile контракт на выпуск одного сингла в США, который группа незамедлительно подписала. Затем наступило затишье до июня – на это время лейбл назначил запись сингла, оплатив музыкантам время в знаменитых студиях Trident.

Очень неплохо для начала. Trident Studios находились в одном из переулков квартала, в самом сердце лондонского Вест-Энда, и принадлежали Норману Шеффилду, в прошлом – участнику группы The Hunters, и его брату Барри. Братья-звукорежиссеры оснастили студию по последнему слову техники и создали в ней непринужденную творческую атмосферу, притягивающую многих талантливых музыкантов. В не менее известной студии EMI на Эбби-роуд звукоинженеры в то время все еще ходили на работу в белых халатах, там царила холодная и официальная атмосфера. Помимо прочего, в Trident стоял легендарный бехштайновский рояль, который Рик Уэйкман уже прославил в десятках записанных им композиций. Именно на этом инструменте Пол Маккартни сыграл свою партию в «Hey Jude».

Первым настоящим хитом, вышедшим из ультрасовременных (на тот момент) студий Trident, стал альбом Manfredd Mann *My Name Is Jack*, ворвавшийся в хит-парады в марте предыдущего года. В дальнейшем тут создавались такие легендарные пластинки, как «Transformer» Лу Рида, который продюсировал Дэвид Боуи, записавший тут же свой собственный шедевр «The Rise And Fall Of Ziggy Stardust». Рик Уэйкман в те годы практически жил в студии – его можно услышать на таких ключевых записях Боуи, как «Changes» и «Life On Mars». Trident существует по сей день, и на ней по-прежнему записываются талантливые и успешные музыканты, включая Джеймса Тейлора и Гарри Нилсона. Впрочем, легендой в поп-

музыке студия стала уже в 1968-м, когда The Beatles арендовали ее для записи «Hey Jude» – семиминутной баллады, которая стала самой длинной песней, когда-либо возглавлявшей британский хит-парад. Некоторые песни для таких пластинок The Beatles, как *White Album* и *Abbey Road*, тоже записывались здесь.

Точной даты релиза сингла Smile пока не оговаривалось. Тем временем музыканты заключили контракт с агентством Rondo, организовавшим им в течение лета несколько концертов. Наконец в августе американское отделение Mercury выпустило в Штатах сингл Smile «Earth/Step On Me». Лейбл не позаботился о рекламной поддержке, и сингл прошел незамеченным. Тем не менее, Mercury по-прежнему видели в Smile большой потенциал и обсуждали с Тимом и Брайаном выпуск мини-альбома или полноформатной пластинки.

Для записи нового материала группу отправили в студию De Lane Lea, что на улице Инженирс в районе Уэмбли (в большинстве источников ошибочно указывается одно из отделений De Lane Lea, расположенное на Кингсвэй, 129). De Lane Lea, основанная в 1947 году, прославилась в 60-е, когда тут создавались пластинки The Beatles, The Rolling Stones, The Who, Pink Floyd, ELO и The Jimi Hendrix Experience. Вместе с продюсером Фритцем Фрейером Smile записали две собственные песни и одну кавер-версию. Но мини-альбом так и не издали, запись легла на полку. Никто не слышал об этих песнях следующие пятнадцать лет, пока их не издали в Японии, где меломанам свойственно ненасытно скупать любые редкости. В то время Queen уже стали суперзвездами.

К концу года в группе воцарились тяжелые настроения, музыканты подумывали о том, чтобы разойтись. Первым не выдержал Тим, угнетенный небогатой и однообразной жизнью рок-гастролеров средней руки. Коллегам он вежливо объяснил, что Smile больше не кажутся ему группой, в которой он хотел бы играть.

– Постепенно наша музыка стала вызывать у меня откровенную досаду, – говорил он позже, – то ли дело Джеймс Браун. Когда я слушал его пластинки, сердце замирало. Мои музыкальные приоритеты порядком изменились.

Тим присоединился к бывшему барабанщику Bee Gees Колину Питерсену, вместе они собрали команды Humpty Bong. Карьера группы не затянулась – в нее уместился лишь один сингл и одно выступление на ТВ. После Тим работал специалистом по спецэффектам на телевидении и весьма преуспел – его приглашают сотрудничать самые рейтинговые каналы и программы.

После того как Smile лишились вокалиста, лейбл заключил, что группы больше не существует. Роджера и Брайана теперь не связывали контрактные обязательства. Неудача их не обескуражила, они собирались продолжить работу над песнями. На свою следующую студию Smile попали через бывшего клубного диджея Терри Ирдона, с которым музыкантов познакомила Кристин Мюллен, будущая жена Брайана. Ирдон работал в студии Pye, в которой записывалась поп-дива Петула Кларк и супружеская пара Тони Хатч и Джеки Трент, сочинявшие музыку к популярным телевизионным программам. Еще в 1966-м тут были созданы такие шедевры, как «Hey Joe» Джими Хендрикса и «Wild Thing» The Troggs. На Pye записывались The Kinks, а в качестве студийных музыкантов тут работали Джимми Пейдж и Джон Пол Джонс – еще до того, как они повстречали Роберта Планта и Джона Бонэма и создали Led Zeppelin.

Ирдон, решив попробовать себя в качестве продюсера, договорился о студийном времени на Pye поздно ночью. Музыканты записали две песни – «Polar Bear» и «Step On Me», – так у группы впервые появился профессионально записанный материал для рассылки музыкальным лейблам.

Брайан, Роджер, Тим и еще пара музыкантов из группы Ibex снимали на всех маленькую квартиру в южном пригороде Лондона, Барнсе. Сестры Хелен и Пат Макконнелл, услышав однажды, как Smile играют в местном пабе, стали первыми преданными поклонницами группы. Их тесная и сырая конура потом вспоминалась как некое божественное жилище, когда на

самом деле музыкантам приходилось ютиться в грязи и вонище, а спать на голых продавленных матрасах. В довершение всего у них появился новый жилец – Фредди Булсара. Он-то что тут забыл?

6. Фронтмен

Помню, я говорил Роджеру и Брайану: «Зачем вы попусту теряете время? Вам надо сосредоточиться на записи своих песен. И делать их как можно ярче. Будь я вашим вокалистом, я бы вам показал!»

Фредди Меркьюри

Выходя на сцену, всегда надо чуть-чуть переигрывать. Парень, который стоит перед толпой, – это не совсем ты. Главное, не забывать переключиться, когда уходишь за кулисы. Боуи довел это искусство перевоплощения до совершенства. Он превращался в совершенно нового исполнителя чуть ли не раз в неделю. Фредди тоже ввязался в игру. Готов спорить, он не репетировал ни единого движения или па. Все, что он делал на сцене, получалось инстинктивно. Ума не приложу, чем бы он мог заниматься, кроме как петь в рок-группе.

Рик Уэйкман

Все еще замороженный Джимми Хендриксом и впечатленный мастерством Брайана, Фредди купил подержанную гитару, а Тим взялся немного привести ее в порядок. Потом Фредди купил самоучитель игры на гитаре и принялся за дело. Нет, он не собирался превзойти своего кумира – дело было совсем в другом. У Фредди вдруг открылось неутолимое желание сочинять песни и музыку, и базовые навыки игры на инструменте требовались, чтобы записывать аккорды. Первые попытки вышли вполне обычными – сырыми, неуклюжими, крайне личностными. Вскоре он научится абстрагироваться от своих переживаний и обращаться к темам, которые понятны всем.

К двум парням из группы Ibex, ютившимся в одной квартире вместе с Smile, присоединились остальные участники команды, жившие прежде в Ливерпуле, – они перебрались в Лондон, рассчитывая заключить контракт на запись альбома. Гитарист Майк Берсин, басист Джон «Тапп» Тейлор и барабанщик Мик «Миффер» Смит доверили обязанности своего менеджера юному Кену Тести. Время от времени к Ibex присоединялся Джефф Хиггинс, который принимал бас-гитару у Таппа, чтобы тот мог играть на флейте. Ibex исполняли кавер-версии хитов Рода Стюарта, The Beatles и Yes, а начинали выступления обычно с энергичной версии хита Элвиса Пресли «Jailhouse Rock» (песне тогда уже минуло двенадцать лет). Ibex нравились Фредди, но, как и со Smile, он считал, что им не хватает хорошего вокалиста. Фредди стал часто заходить на их репетиции и концерты, иногда присоединялся к Майку Берсину и пел вместе с ним.

– Он пел и вел себя ровно так же, как и потом, на пике своей карьеры, – вспоминал Кен Тести. – Он был звездой еще до того, как стал звездой, если вы понимаете, о чем я. На сцене он чувствовал себя королем.

Когда группа еще базировалась в Ливерпуле, Фредди какое-то время жил дома у Джеффа Хиггинса. Его семья размещалась в квартире над пабом Dovetale Towers на улице Пенни-Лейн, ставшей всемирно известной благодаря The Beatles. Фредди спал на полу в комнате Джеффа, но никогда не жаловался – в его интересах было оставаться идеальным гостем. Фредди сразу очаровал и мать Джефа, Рут.

– Маме понравилось, что у Фредди идеальный английский, хотя он приехал с юга, – рассказывал Джефф Марку Ходкинсону, автору книги «Queen: ранние годы», – Фредди общался с обезоруживающей вежливостью.

На протяжении 1969 года Iбex пользовались любой возможностью, чтобы выступить, но предложения от лейблов так и не поступило. Время от времени музыканты заговаривали о том, что пора расходиться. У Миффера начались проблемы в семье, ему требовался постоянный доход. Роль барабанщика принял на себя друг группы Ричард Томпсон, но в новом составе группа отыграла всего один концерт, на редкость неудачный. Все, что могло, вышло из строя – свет, звук, оборудование. Даже микрофон не оправдал ожиданий. Фредди, выходя на сцену, любил махать стойкой, как регулировщик жезлом, но на этот раз ему попался микрофон, укрепленный на тяжелом основании. Попытавшись его крутануть, Фредди сломал стойку пополам. Нисколько не обескураженный, он проделал все свои фокусы с верхней половиной, оставшейся в руках. Так родился один из его фирменных трюков.

Противоречие между певцом Фредди и скромнягой Фредом Булсара становилось слишком разительным, чтобы и дальше его игнорировать. Будучи всего лишь временным бэк-вокалистом, которого никто еще не звал в постоянный состав, на сцене он был полон самоуверенности, блеска и драматизма. За пределами сцены снова превращался в тихоню, затянутого в настолько облегающие вещи, что в них с трудом удавалось дышать, не то что сидеть. Сравнительно невысокий и худой, он далеко отставал от признанных стандартов мужской красоты, но выделялся благодаря смуглой коже и экзотической внешности. Эта невольная яркость временами тяготила Фредди – он прятал свои черные глаза за длинной челкой и прикрывал выступающие зубы ладонью, улыбаясь. В силу природенной скромности ему было нелегко встречаться с поклонниками после концертов – он едва мог выдать пару слов. Хуже того, несмотря на прекрасное произношение, Фредди чуть шепелявил и немного заикался, так что его болезненную застенчивость легко понять. Только в кругу близких друзей он мог расслабиться и тогда уже шутил и смеялся в свое удовольствие. В остальном за пределами сцены Фредди старался быть незаметным. Он пока еще не мог позволить себе напиваться до чертиков или накачиваться наркотиками и чувствовал себя неуютно в окружении незнакомцев. Насколько счастливым и открытым бывал Фредди на своих вечеринках, настолько замкнутым и неуверенным становился на чужих.

В какой-то момент Фредди устал от мотаний в Ливерпуль и обратно и ночевки на полу в случайных квартирах. Вскоре после своего двадцать третьего дня рождения он покинул Iбex и направился в Лондон, где принялся изучать объявления о работе.

– Думаю, Фредди с самого начала рассматривал Iбex как что-то временное, – вспоминал потом Кен Тести. – Ему хотелось петь на сцене, а Iбex смотрелись совсем иначе, имея в составе такого яркого фронтмена. Обе стороны получали свои выгоды. Мы, впрочем, по наивности тогда не думали, что Фредди рассматривает нас как какую-то подержанную машину, которую ты вынужден купить, потому что на новую нет денег. Фредди явно рассчитывал на нечто большее.

Фредди никто не винил. Iбex успели полюбить его за ненасытную жажду впечатлений, самозабвенные перевоплощения и неиссякаемую энергию. Говоря от имени всех, Кен Тести вспоминал:

– Мы многому научились у Фредди, узнав его получше. Его отличала крайняя целеустремленность. Сосредоточившись на чем-то, он никогда не отвлекался на пустяки и стремился совершенствовать и шлифовать свои музыкальные навыки при каждом удобном случае.

Тем временем Берсин и Тейлор снова оказались в Ливерпуле. Томпсон растворился в бескрайних музыкальных кругах Лондона. Остальные мыкали горе в переполненной квартирке на западе Лондона. Фредди остался без группы, а Роджер и Брайан – без вокалиста. Почему же они не схватились за него сразу?

– Ребята из Smile привыкли не воспринимать Фредди серьезно, – вспоминал их друг Крис Дамметт. – Он был при них кем-то вроде мальчика на побегушках.

Как часто мы в последнюю очередь замечаем именно то, что у нас перед носом.

– Дела у Фредди не сказать чтобы ладились, а тут он еще начал переживать по поводу своей сексуальной ориентации. У него периодически появлялись девушки, в том числе его однокурсница Розмари Пирсон, но приятели вспоминали, что уже в то время его интересовали мужчины, пока теоретически.

– Он считал, что ему нравятся женщины, и прошло немало времени, прежде чем он осознал, что родился геем, – вспоминал приятель Фредди по колледжу. – Думаю, он долго боялся самой мысли об этом. Его интересовало все, связанное с гомосексуализмом, но и отпугивало в то же время. Думаю, ему пришлось нелегко.

Другой приятель вспоминал, что Фредди любил захаживать к двум парням-геям, снимавшим квартиру тут же, в Барнсе. Он скрывал эти визиты от соседей – ему пришлось бы объяснять им нечто, чего он до конца не понимал сам. Всегда переживавший о впечатлении, которое он производил на окружающих, Фредди время от времени уходил в себя и становился очень нелюдимым. В такие периоды он мог проявить себя не с лучшей стороны – заикливался на себе, делался эгоистичным, мрачным и раздражительным.

У каждого из нас есть дурные черты характера. По сути своей Фредди был добрым, щедрым и тактичным. Он избегал манипулировать людьми, чтобы добиться от них желаемого, но сам щедро раздавал себя направо и налево, не ожидая ничего взамен. Только излишнюю самолюбленность можно поставить ему в вину. Он мог бесконечно суетиться над своей прической и одеждой и до комичного переживать о своей внешности. Ну и его бесконечные заявления, что он, мол, станет легендой, тоже иногда действовали окружающим на нервы.

Его причуды доходили до того, что, не имея денег даже на еду, Фредди тратил последние монеты на такси – лишь бы не пользоваться общественным транспортом. Друзья начали переживать за него. Что происходит с Фредди, думали они, никак его карьера в шоу-бизнесе захлебнулась? Все знали, что несмотря на свой диплом иллюстратора, он никогда не ходил на работу.

Теряя стабильность и ориентиры, Фредди чувствовал себя не лучшим образом. Он твердо осознавал себя не таким, как большинство людей. Не вызывало сомнений и то, что надо оплачивать кучу счетов. За Фредди по-прежнему оставалась спальня в доме родителей, но вернуться назад значило признать поражение. Тем более он понимал, что семья не одобрит его нынешний образ жизни, и неспроста никогда не знакомил друзей с сестрой и родителями.

– Мать не может не волноваться, – говорила по этому поводу Джер, – но ничего не остается, как предоставить взрослым детям жить своей жизнью.

Фредди по-прежнему ужинал у родителей раз или два в неделю, и мама всегда готовила его любимое блюдо «дансак», традиционно популярное среди парсов и трудоемкое в приготовлении. В рецепт входят овощи и чечевица, чеснок, имбирь и другие специи, а также мясо – обычно баранина – и тыква. Учитывая, в каких стесненных условиях Фредди тогда находился, легко предположить, что за всю неделю только у родителей он и мог нормально поесть.

В первые холодные недели 1970-го Фредди обошел лондонские рекрутинговые агентства со своим арт-портфолио. Какие-то предложения стали поступать, но Фредди не хватало терпения сидеть у телефона и ждать звонка. Он даже расклеивал объявления, пытаясь найти фриланс. Но столько времени прошатался на концертах и репетициях Smile, что никак не мог настоящему сосредоточиться на поиске работы. Хотелось ему совсем другого – собрать собственную группу. Пригласив барабанщика Ibex Ричарда Томпсона, Майка Берсина и Таппа Тейлора, он назвал новый состав Wreckage. Их первый концерт состоялся в Илинге, в присутствии пестрой и полной энтузиазма тусовки Кенсингтона, а также чуть ошеломленных соседей Фредди, Брайана Мэя и Роджера Тейлора. Брайан и Роджер, до этого никогда не воспринимавшие его всерьез, вдруг оказались поражены яркостью его выступления. Музыка оставляла желать лучшего, но от Фредди было невозможно оторвать взгляд. Так или иначе, концерт про-

шел успешно – группу пригласили сыграть в Илинге снова, шла речь и о серии концертов в регби-клубах.

Но Фредди был неудовлетворен. Он знал, что его потенциал выше, чувствовал, что достоин большего. То ли ждал, что им сразу предложат контракт на три альбома, то ли просто чувствовал, что ему не место в Wreckage, но так или иначе, вскоре он расстался и с этой группой. Брайану и Роджеру все еще не удавалось понять счастье, приплывшее им прямо в руки, и Фредди отправился на прослушивание к группе Sour Milk Sea, которая искала вокалиста.

«Sour Milk Sea» – так называлась песня, сочиненная Джорджем Харрисоном во время записи *The White Album* The Beatles. Она вышла синглом в исполнении Джеки Ломакса, артиста принадлежащего «битлам» лейбла Apple. Это одна из немногих вещей, в записи которой участвовали трое из них: Джордж Харрисон и Эрик Клэптон на гитарах, Пол Маккартни на басу и Ринго Старр на барабанах. Песня до того впечатлила школьных приятелей Криса Даммета (позже он стал называться Ченси) и Джереми Гэллопа, что они изменили название своей самопальной группы Tomato City на Sour Milk Sea. На барабанах играл Роберт Тайрелл, который с Майком Резерфордом и Энтони Филипсом состоял параллельно в команде Anon, из которой позже появились Genesis. Первый концерт Sour Milk Sea прошел в зале «Гилдфорд-Сити-Холл» – они играли перед такими набирающими обороты группами, как Deep Purple, Taste, Blodwyn Pig и Junior's Eyes. Последние прославились тем, что в 1969-м аккомпанировали в турне Дэвиду Боуи. Основатель Junior's Eyes Мик Уэйн вместе с Риком Уэйкманом стал одним из музыкантов, помогавшим Боуи при записи его легендарного прорыва «Space Oddity». Sour Milk Sea еще в июне 1969-го наняли агента и, стало быть, занимались рок-музыкой профессионально, но место вокалиста оказалось вакантным, пока к ним на прослушивание не явился Фредди Булсара. Затянутый в бархат, с развевающимися черными волосами, он воплощал стиль и беззаботность. Заметно старше мальчишек из Sour Milk Sea, он представился им как «Фред Булл».

– Харизма так и сияла из него, так что мы долго не думали, – вспоминал Джереми «Раббер» Гэллоп, работавший впоследствии учителем игры на гитаре и скончавшийся от рака желудка в 2006-м. – Хотя в тот день выбор не был простым. Обычно на прослушивание приходит четверо-пятеро никуда не годных вокалистов, но в этот раз у Фредди оказалось два сильных конкурента. Один, черный парень, обладал потрясающим голосом, но не выглядел и в половину так эффектно, как Фредди, второй была фолк-певица Бриджит Сент-Джонс, ставшая потом довольно известной.

Фредди взяли в группу, и работа закипела. Вскоре Sour Milk Sea пригласили выступить в престижный зал оксфордского отеля Randolph, где обычно собирались разряженные в пух и прах барышни из высшего света.

– Звучали мы тогда не идеально, – признает Гэллоп, – но Фредди не позволил публике заскучать. Казалось, он управляет зрителями мановением руки. Выглядел он всегда превосходно и очень за этим следил. Помню, как-то раз у меня дома он крутился у зеркала и вдруг говорит: «Я клево сегодня выгляжу, правда, Раббер?» Мне тогда только восемнадцать исполнилось, я еще не понимал таких шуток.

Из других выступлений Sour Milk Sea с участием Фредди можно вспомнить еще один благотворительный концерт в помощь бездомным, состоявшийся в оксфордском зале «Хайфилд-Пэриш-Холл» в марте 1970 года. По этому поводу группа даже дала интервью Oxford Mail, где напечатали текст одной из их песен, написанных Фредди, – «Lover». Многообещающий старт группы закончился пшиком, когда школьные друзья Чесни и Гэллоп разругались.

– Фредди сразу же захотелось все изменить в нашей группе, – вспоминал Гэллоп. – На сцене он превращался в другого человека – столь же завораживающего и искрометного, как в

его поздние годы. В остальное время он был тих и незаметен. Моя мама обожала его за это. Так или иначе, тогда я решил, что с группой пора кончать.

Джереми Гэллоп приходился близким родственником Джонатану Морришу, топ-менеджеру CBS Records и Sony, впоследствии – близкому другу и издателю Майкла Джексона. Джонатан вспоминал, как подростком побывал на концерте Sour Milk Sea.

– В то время я мог сравнить Фредди только с Мартином Петерсом, – сказал мне Джонатан, имея в виду легенду чемпионата мира по футболу 1966-го, про которого спортивные обозреватели писали, что он на десять лет обгоняет свое время. Петерс блестяще играл в любой позиции, вплоть до голкипера.

– Фредди устраивал на сцене феерическое шоу, и это в те годы, когда музыканты выходили играть в той же одежде, в которой провели весь день, – вспоминал Джонатан. – Уже тогда всем было ясно, что Фредди мастер своего дела. Надо понимать, что рок-музыка только развивалась, все происходило впервые. Фредди интуитивно понял основной закон шоу-бизнеса – надо устроить шоу. «Mach Schau!», – как орал Брайан Эпштейн битлам в Гамбурге. Дело в том, что рок-музыка не ограничивается вокалом и музыкой. Не меньшее значение имеют шмотки, прически, улыбки. The Beatles потом много лет пытались опровергнуть это, доказать, что только музыка важна. А Фредди просто знал от рождения, как должна вести себя на сцене рок-звезда.

Джонатан близко знал Майкла Джексона и общался с ним до его последних дней. Он считает, что в дружбе, связывавшей Майкла и Фредди, нет ничего удивительного для тех, кто знал их обоих.

– Как и Фредди, Майкл был больше, чем просто музыкант или вокалист. Прорыв Queen с клипом «Bohemian Rhapsody» Джексон позже повторил на новом витке с «Thriller». Похоже, великие артисты инстинктивно почувствовали, что им следует выражать себя во всем спектре мультимедиа, не ограничиваясь музыкой. Гений Фредди проявился не только в текстах и мелодиях, которые он создал, но и новаторских формах, в которые он их облек. Обстановка во время записи, видео, одежда – все это имело первостепенное значение для Фредди. Так и видишь его, командующего на съемках: «Мальчики! Макияж, шмотки, поехали!» Макияж, шутка ли! В 1970-м мужчине не то что макияж, крем использовать считалось зазорным. Это теперь в индустрии мужской косметики крутятся миллиарды. Говорю же, Фредди опережал свое время. В 1970-м он явился и заявил: «Так, ребята, а теперь я расскажу вам, что такое шоу-бизнес».

Сколько существуют Queen, столько лет длится путаница с альтернативными названиями для группы, которые предлагали музыканты.

«Брайан и Роджер в детстве оба зачитывались трилогией Клайва Льюиса «За Пределами Безмолвной Планеты», из которого и взяли одно из предполагаемых названий, The Grand Dance», – пишут Джеки Ганн и Джим Дженкинс в официальной биографии Queen «As It Began», напечатанной в 1992 году. Эта информация повторялась в книгах и других публикациях столько раз, что уже воспринимается как факт. Эту версию можно встретить даже на официальном сайте группы, где эксперт по Queen Рис Томас в статье «A Review» приводит такие альтернативные названия группы, как The Grand Dance, Build Your Own Boat и The Rich Kids (последнее название в 80-х выбрала себе группа Глена Мэтлока из Sex Pistols). В интервью журналу Q в марте 2011-го Брайан сказал: «У нас был целый список предполагаемых названий для группы, Queen предложил Фредди. Среди других я вспоминаю The Grand Dance, мне оно не казалось удачным...»

В действительности же эта версия не выдерживает критики. «За Пределами Безмолвной Планеты» – первый роман из цикла Льюиса, известного также как «Космическая трилогия» и вдохновленного романом Дэвида Линдсея «Путешествие к Арктуру» (1920). Две другие

книги цикла называются «Переландра» и «Мерзейшая мощь». И вот во *второй* книге трилогии, «Переландра», и находится интересующая нас цитата. В этом романе Льюис пишет про новый Эдемский сад, обустроенный на Венере, в котором Ева сумела выдержать искушение и падения человека не произошло. Льюис описывает мистический опыт, позволяющий напрямую увидеть Великий Танец творения, который он называет «The GREAT Dance», а вовсе не «The Grand Dance». «...Таков и Великий Танец. Заметь лишь одно движение, и через него ты увидишь все замыслы, и его сочтешь главным. А то, что ты примешь главным, главное и есть. Да не оспорит это никто. Кажется, замысла нет, ибо все – замысел. Кажется, центра нет, ибо все – центр. Благословен будь Он!»

Фредди настаивал, что название должно состоять из одного слова. Такие лучше запоминаются, бойчее звучат. Его вариант звучал откровенно скандально – Queen. Первой реакцией Брайана и Роджера стало возмущенное фыркание – ведь на жаргоне «queen», «королева», означало не что иное, как «педик». Слово «гей» тогда еще не получило распространения. Фредди в то время еще скрывал свои истинные наклонности – «официально» он вообще так никогда и не признал их, но друзья в шутку называли его иногда «старой королевой», «the old queen». Фредди носил это прозвище с гордостью – андрогинность тогда входила в моду, к тому же такая кличка позволяла Фредди кривляться на сцене сколько душе угодно. Подумав, Брайан и Роджер нашли, что название как минимум забавное. Что один, что другой были мужественными красавцами и пользовались бешеным успехом у девушек. Выйти на сцену в составе группы с таким двусмысленным названием, как «Queen», показалось ребятам неплохой затеей.

Разобравшись с названием группы, Фредди взялся за переименование самого себя. Фамилия Булсара осталась в прошлом, ее место заняла Меркьюри. Mercury – это Меркурий, римский бог, посланец властелинов Олимпа. Подобно Гермесу из греческой мифологии, Меркурия изображали в крылатых сандалиях, с жезлом, вокруг которого обвивались две змеи. А еще mercury в английском обозначает жидкий металл ртуть, известный человеку с незапамятных времен – его знали древние китайцы и индусы, ртуть находили и в гробницах египетских фараонов. Наконец, Меркурий – ближайшая к солнцу планета, единственная, у которой нет спутников.

Есть несколько теорий, по какой именно причине Фредди выбрал себе такую фамилию. Как пишет один из биографов Queen Джим Дженкинс, «Фредди говорил мне в 1975-м, что взял фамилию в честь римского бога. Помню это как сейчас. Мне приходилось слышать, что он взял фамилию из-за Майка Меркьюри из научно-фантастического детского телесериала «Fireball XL5», но могу вас уверить, это полная ерунда».

Вот что вспоминал Брайан Мэй:

– Фредди написал песню «My Fairy King», и там была строчка «Oh Mother Mercury what have you done to me?» (на самом деле в тексте говорится «Mother mercury mercury / look what they done to me/ I cannot run I cannot hide). И после этого Фредди заявил нам, что берет фамилию Меркьюри, так как Мать Меркурий из текста – это его собственная мать. Мы сначала подумали, что он рехнулся. Но нет, для Фредди это оказалось важным. Молодой человек по фамилии Булсара никуда не делся, но для своих зрителей он хотел быть богом.

Часто можно прочесть или услышать, что Фредди изменил фамилию официально, юридически заверенным односторонним соглашением (британское законодательство это позволяет). На самом деле никаких вещественных доказательств на этот счет не существует. Запись о смене имени Элтоном Джоном неоднократно предоставлялась по журналистским запросам Национальным архивом, находящимся в западном пригороде Лондона Кью, но на счет Фредди архив не располагает никакими документами. Как сказал мне один служащий:

– Не более 10 % людей, изменивших имя, сдавали нам соответствующий документ. А сейчас, должно быть, и 5 % не наберется. Официально этого не требуется – в Англии каждый может именоваться, как его душе угодно.

Увлечение Фредди астрологией и мифологией особенно ярко проявилось в созданном им и ставшем легендарным логотипе группы. Как всем известно, на нем изображен расправивший крылья Феникс, символ бессмертия, позаимствованный Фредди у его собственной школы Св. Питера в Пангчани. Также на лого, представляющем собой увенчанную короной букву «Q», есть символы зодиакальных созвездий, под которым родились музыканты Queen, – два льва, соответствующие Львам по гороскопу, Брайану Мэю и Джону Дикону, рак, означающий Тейлора, и две феи, символизирующие Деву, знак Меркьюри.

Первым концертом Queen стало благотворительное выступление, организованное Красным крестом в «Сити-Холле» города Труро в графстве Корнуолл, самой юго-западной точке Великобритании. На этот счет приводятся противоречивые данные, но все они не верны – дебютное шоу состоялось в указанном зале 27 июня 1970 года. Среди организаторов концерта значилась и мама Роджера, Вин Хитченс, а в составе Queen на басу играл Майк Грос, державшийся, к слову, всего три концерта. Группа начала с энергичного номера «Stone Gold Crazy», выросшего из одной из песен Wreckage. Впрочем, в полупустом зале он прозвучал не так уж эффектно. Очевидцы вспоминают, что в то время группа еще не сыгралась как следует, да и Фредди только входил во вкус.

– Фредди тогда только оттачивал свои движения, позы и прочие фокусы, – вспоминала мама Роджера Тейлора, Вин Хитченс.

Но на этот раз Фредди хотя бы не сомневался, что нашел группу по душе.

– Он сразу поверил в Queen, – вспоминала сестра Фредди Кашмира, – и с самого начала всерьез решил добиться с ними успеха.

Следующий концерт состоялся 18 июля в Имперском колледже, Queen играли в основном кавер-версии – от Джеймса Брауна и Литтл Ричарда до Бадди Холли и Ширли Бэсси. Прозвучали и две композиции их авторства – «Stone Gold Crazy» и «Liar».

– В те годы мы часто играли тяжелый рок, – вспоминал Брайан. – Выскакивали на сцену, обрушивали на слушателей вал грохота и исчезали.

Майк Грос вскоре сменился на другого басиста, Барри Митчелла, который принял участие в одиннадцати шоу Queen, состоявшихся во второй половине 1970-го года. Они выступали в лондонских колледжах, знаменитом ливерпульском зале Cavern и даже в паре церковных аудиторий. До полноценных больших концертов дело пока не дошло.

Тем времени Роджер поступил в Северный Лондонский Политехнический университет изучать биологию и выиграл грант, покрывающий расходы на обучение и проживание. Так Фредди остался единственным участником Queen, не получившим и не получающим университетское образование. Но это как раз никого не волновало. С осени Queen с новыми силами и прежним энтузиазмом бросились покорять капризный шоу-бизнес. В сентябре Брайан организовал в Имперском колледже концерт, на который пригласил ключевых агентов, занимающихся в Лондоне роком. Группа получила несколько предложений, но ни одно не показалось ребятам заманчивым. Мечтавшие о славе и успехе, Queen болезненно переживали это поражение.

18 сентября 1970 года в жизни Фредди (и многих других) случилась трагедия – его идол Джими Хендрикс умер. Не прошло и года, как его исполнение американского гимна стало самым ярким моментом фестиваля в Вудстоке, только-только заработала его изысканная звукозаписывающая студия Electric Lady в нью-йоркском районе Гринвич-Виллидж. Всего несколько недель назад Хендрикс выступил перед самой большой аудиторией в своей жизни – больше 600 000 человек собралось послушать Хендрикса на фестивале на острове Вайт. Джими нашли бездыханным в луже рвоты и красного вина, в апартаментах его подруги Моника Даннерманн, в отеле «Самаркланд», что в Ноттинг-Хилл. Несмотря на упорные слухи о том, что музыканта убили, скорее всего причиной смерти послужил алкоголь и успокоительное «Веспаракс», которое Джими принимал в больших количествах. Моника Даннерманн позже покончила с собой.

Фредди был безутешен. В знак траура они с Роджером не открывали свою лавку. В тот же день они репетировали на базе Имперского колледжа, буквально в нескольких сотнях метров от места гибели Хендрикса. Весь вечер Брайан, Роджер и Фредди играли свои любимые песни Хендрикса – «Voodoo Chile», «Purple Haze», «Foxу Lady» и другие бессмертные хиты.

Идеальный басист все еще обходил музыкантов стороной. Только в феврале 1971-го они совершенно случайно познакомятся с Джоном Диконом на одной из лондонских тусовок. Дикон, начавший играть в рок-группах в четырнадцать лет, в то время еще изучал электронику в колледже Челси. Немногословный и вдумчивый, Дикон был наделен врожденным чувством ритма и неутомимой работоспособностью. Он отлично управлялся с музыкальной аппаратурой и как раз подыскивал себе новую группу.

– Мы сразу решили, что он нам подходит, – вспоминал Роджер. – Втроем мы уже как следует спелись и полностью друг друга устраивали. Джон казался тихим и застенчивым и вряд ли мог сбить сложившийся баланс. А еще он отлично играл на басу, но решающим доводом стало его мастерство в обращении с музыкальной техникой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.